

Восход

РОССАЗИЯ

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 8 (280), Август, 2017

115 лет со дня рождения Юрия Николаевича Рериха

*Многогранен свет, который нёс людям Юрий Николаевич. Свет знаний
уникальных и свет добра многообразного.*

Н.Д. Спирина

Н.К. Рерих. ОГНИ ПОБЕДЫ. 1940

Н.Д. СПИРИНА

О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ РЕРИХЕ*

Многогранен свет, который нёс людям Юрий Николаевич. Свет знаний уникальных и свет добра многообразного. Люди перерождались после встречи с ним. Свет потенциальный, заложенный в них изначала, вспыхивал и разгорался от соприкосновения со Светочем великого напряжения. Высокие качества, которые Юрий Николаевич проявлял в общении с людьми, пробуждали в них отклик: его забота и внимание к их нуждам; сочувствие и понимание всего, происходящего с ними и в них; слова о высоком, сказанные по сознанию собеседника; его контакт с Высшим, который не прерывался ни на мгновение, — всё создавало вокруг него интенсивное поле положительных энер-

гий, которое воздействовало не только на людей, но и очищало окружающее пространство, загрязнённое низкими, тёмными мыслями и эмоциями. Пространство и человек взаимосвязаны и взаимозависимы. И подобные очистители — подлинные *благодетели* человечества, разрядители энергий зла.

Но велика их жертва. Они берут на себя несовершенства окружающего мира и трансмутируют огнём своего сердца. Это благодетельное напряжение неопишимо велико, но и *следствия* благие не могут быть исчислены нашими мерами. Их длительность, их распространение, их результаты могут сказаться через большие сроки.

*Из радиопередачи. 23 августа 1992 г.

СВЕТЛЫЙ ДАР

«Когда Мы говорим о суждённом событии, Мы видим его истинное начало. (...) Скажите вашим друзьям, чтоб научились наблюдать сущее по возникновению событий»¹.

«Приветствуем начало дел новых, — говорится по этому поводу в Записях ученика Н.К. Рериха Бориса Николаевича Абрамова. — Наши дела длительности необычной, и значение их — не по видимости, но по следствиям. (...) Мы только по следствиям Судим и следствиями Определяем значение дел. Внешне, особенно при начале, они могут казаться не имеющими того значения и силы, которые заложены в них, но длительность следствий и мощь их укажут на великое напряжение и степень огненных энергий, заложенных в их основании. Потому не судите поверхностно и опрометчиво о начинаниях наших, где приложена Наша Рука. Всё даст плод свой во времени, ибо во времени они плодоносят»².

27 сентября 1960 года произошло событие. В Новосибирскую картинную галерею прибыли и были выставлены 60 шедевров мирового изобразительного искусства — 60 полотен всемирно прославленного художника Николая Рериха. Это был его дар городу на Оби, передать который он завещал своему сыну, Ю.Н. Рериху. Условие, поставленное при этом Юрием Николаевичем, было одно — чтобы картины находились в постоянной экспозиции, чтобы они «работали» на благо людям, светом своим озаряя их сердца

и окружающее пространство. И Картинная галерея с честью выполнила это условие — единственная в нашей стране, в то время как другие музеи держали свои рериховские сокровища в основном в запасниках, выставляя их лишь от случая к случаю. И все они отзывались с величайшим уважением о Новосибирской галерее за её постоянство в таком славном и благородном деле.

Незабываемо прекрасен был этот праздник встречи с картинами Рериха. Мне посчастливилось быть на этом торжестве. Помню радостные и изумлённые лица людей, впервые увидевших *такое*. Помню вдохновенную речь искусствоведа Павла Муратова, прояснившую многое тем, кто имел весьма смутное представление о творчестве и личности Николая Константиновича Рериха. С каким жадным вниманием слушали его и проникались увиденным; и уходили, унося с собой воспоминание о невиданных доселе, невообразимых по красоте и светоносности красках, о захватывающих дух горных пейзажах, о сказочных и поэтических обликах, полных глубинного символического смысла. Картины начали свою «работу».

Невозможно учесть, какое количество взрослых, молодёжи и детей приобщилось за прошедшие тридцать с лишним лет к этому источнику красоты и духовного величия. Какие записи они оставляли в книгах отзывов — целые своеобразные поэмы восторга и признательности. По этим вехам можно изучать влияние искусства на души людей, его резонанс в их сердцах. Уже хотя бы только по этим записям, искренним, ненадуманым и безыскусным, можно

¹ Община. 77.

² Грани Агни Йоги. I. 28.09.1960 г.

понять, *что* несла с собою эта постоянная выставка.

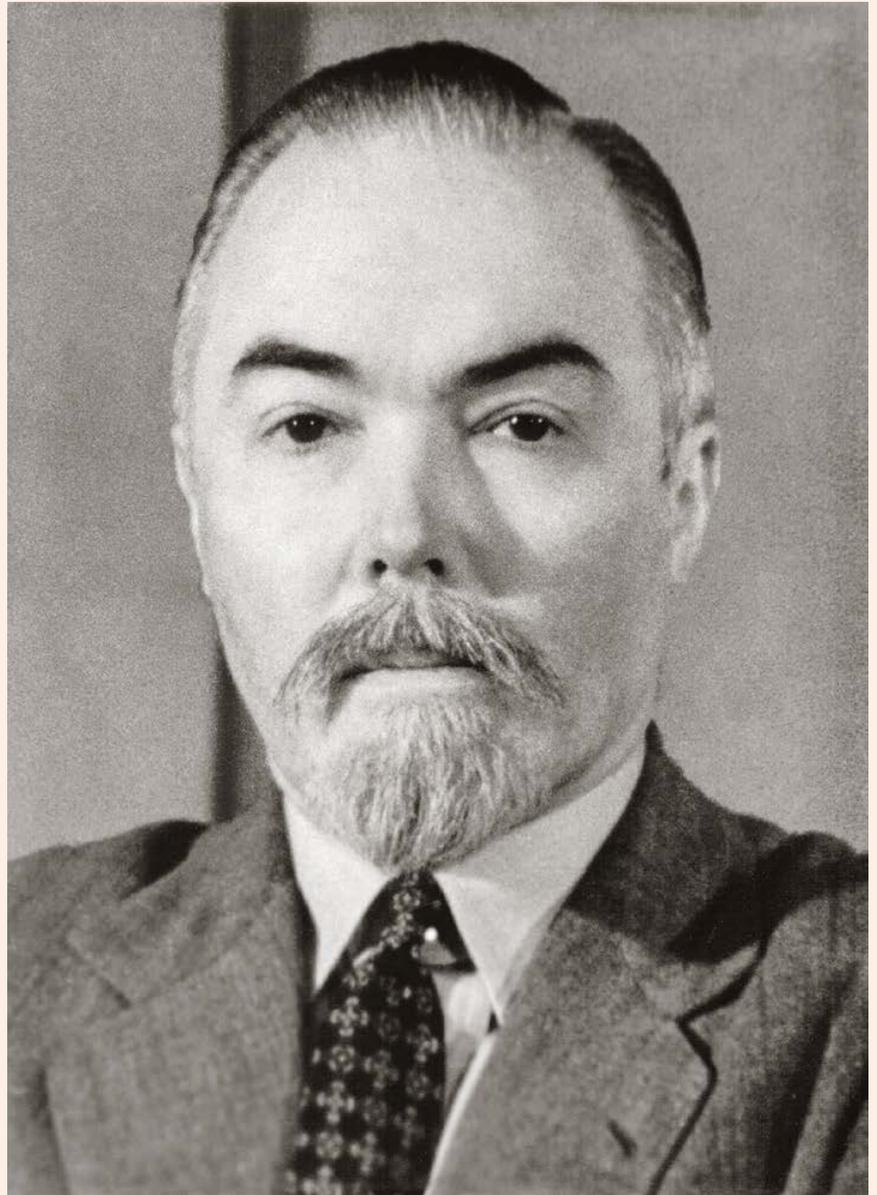
Дело Рерихов начало жить в нашем городе. Когда-нибудь в анналах истории рериховского всемирного движения будет отмечена и роль Новосибирска в деле культуры, понятие которой неразрывно связано с именем Рериха, её носителя и знаменосца, борца за культ Света. А пока мы можем очень коротко проследить эти вехи.

В 1973 году в Доме учёных Академгородка открылась сборная выставка Николая и Святослава Рерихов, составленная из картин, имеющих в разных городах нашей страны. К тому времени, благодаря просветительской работе Картинной галереи в выставочных залах Рериха, люди уже до какой-то степени ознакомились с его творчеством. Начались, вызванные интересом к новой выставке, лекции, слайд-программы и статьи в местных газетах, открывшие этим людям, что Рерих был не только художник, но и писатель, и поэт, и учёный, и общественный деятель, и путешественник, и борец за мир.

Следующим радостным открытием были выставки Николая и Святослава Рерихов в 1975 году в Академгородке и в Картинной галерее. Ознакомление с творчеством их неуклонно расширялось. За ними последовали Рериховские Чтения, в которых принимали участие и учёные, и искусствоведы из разных городов страны.

В 1982 году в Картинной галерее прошла конференция, посвящённая 80-летию Юрия Николаевича Рериха, привлёкшая немало очень интересных участников, лично знавших Юрия Николаевича — и работавших с ним, и учившихся у него. И все, кто бы ни приезжал к нам, первым делом шли в Картинную галерею к полотнам Рериха, восхищались и вдохновлялись ими. Всё больше людей втягивалось в орбиту «Державы Рериха». Всё больше людей искало возможности приобщиться к миру рериховской мысли, открывавшей неслыханные горизонты. Картины «работали».

И когда наконец запруды и запреты были сняты и стало возможным не только думать, но и говорить, и писать, и читать всё то, к чему смутно, но властно стремился дух, — нам стало доступно наследие

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ. Москва, 1959

Рерихов. «Солнце духа наклонилось к нам», как писал, провидя Новую Эпоху, Николай Гумилёв. Начались конференции, радио- и телепередачи, издание книг Николая Рериха и, главное, великого провозвестия Новой Эпохи — книг Живой Этики, данных через Елену Ивановну Рерих с высот Гималайских гор.

И вот, обозревая весь пройденный путь, мы вновь возвращаемся к тому, от чего пришли, к истоку, к Светлому Дару Юрия Николаевича Рериха нашему городу, к картинам Николая Рериха, хранящимся и «работающим» в нашей галерее на благо всему краю и всем, кто прикасается к этому живительному источнику красоты и мудрости.

«Дар сердца сияет во тьме...»³

*Выступление на конференции,
посвящённой 90-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха.
16 августа 1992 г.*

³ Листы Сада Мории. Озарение. 2—VII—3.

В 2002 году в преддверии 100-летия со дня рождения Ю.Н. Рериха сотрудники Сибирского и Уральского рериховских обществ побывали в Москве и Санкт-Петербурге, где встретились с теми, кто близко знал Юрия Николаевича в годы его жизни в Советском Союзе.

Предлагаем читателям несколько интервью, записанных О.А. Ольховой и В.Ф. Черниковой. Интервью публикуются впервые.

А.Н. ЗЕЛИНСКИЙ, доктор исторических наук, г. Москва

I. «Настоящий аристократ духа»

Юрий Николаевич был здесь, в музее моего отца*, один раз. Точно скажу когда — 10 декабря 1958 года. Здесь в журнале остались данные о нём: дата рождения — 1902-й, место работы — Институт востоковедения Академии наук, специальность — филолог, партийность — беспартийный. И его драгоценная для нас подпись. Я помню, как рассказывал ему о разработках моего отца, связанных с противогазом, который спас сотни тысяч жизней ещё в Первую мировую войну.

Я благодарен судьбе за то, что Юрий Николаевич согласился быть руководителем моей дипломной работы: он был моим не официальным руководителем, но фактическим. Почему неофициальным? Вам это покажется очень странным, но в 1960 году в Московском университете было одиозным иметь руководителем Юрия Николаевича Рериха, потому что он приехал из-за границы и неизвестно, что за этим стоит. По странному совпадению, в день защиты моего диплома были его похороны...

Как называлась Ваша дипломная работа?

«Памир и Великий шёлковый путь». Кстати говоря, эта тема была тем мостом, благодаря которому я смог вообще встретиться и заговорить с Юрием Николаевичем. И она же стала темой моей кандидатской диссертации. А моим официальным руководителем был Лев Николаевич Гумилёв — сын Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Он очень любил Юрия Николаевича, очень высоко его ценил. А Юрий Николаевич тогда поддерживал Льва Николаевича, который в 1956 году только вернулся из мест не столь отдалённых и в 1960-е годы только-только начинал печататься, не работать, а печататься. Он накопил огромный материал и потенциал, но был ещё на положении полуизгоя, и ему было непросто в те годы утвердить себя в нашей жизни.

* Встреча с Андреем Николаевичем Зелинским состоялась в Москве, в Музее академика Н.Д. Зелинского (1861 – 1953).

С Юрием Николаевичем мы познакомились весной 1958 года, 28 мая, на заседании Московского клуба туристов у Заставы Ильича. Два года мы с ним общались и виделись достаточно часто. К сожалению, в первый год его жизни здесь нас судьба не сталкивала. И так, когда мы с ним встретились первый раз, несмотря на то, что он уже год прожил в другом климате, во всех смыслах этого слова, он оставлял впечатление совершенно цветущего человека: у него был потрясающий цвет лица. Ему тогда было 56 лет, и было такое ощущение, будто он только что спустился с Гималаев. Исключительное, колоссальное излучение жизненной энергии. И конечно, чувствовалось какое-то очень высокое духовное излучение, если можно так сказать.

Первый раз я был у Юрия Николаевича, наверное, летом 1958 года — на Ленинском проспекте. Когда он приехал, вскоре получил там квартиру. Квартира была небольшая для его колоссальной библиотеки и огромного количества картин, и было просто нереально разместить их там, но пришлось как-то, хотя и было очень сложно.

Что должно было сделать правительство, когда приехал человек такого масштаба? Дать ему сразу звание академика, а у нас два года тянули с присвоением доктора наук. Наконец, два года спустя, он получает диплом доктора наук, ему вручают торжественно... Это Юрию Николаевичу Рериху — учёному мирового масштаба! Ему надо было дать особняк, где он мог бы поместить свою колоссальную библиотеку, картины, создать ему максимальные условия жизни, а ему дали обычную четырёхкомнатную квартиру, где едва можно было повернуться. Он спал на раскладушке в комнатке — просто клетушке. Но в общем-то всё это не имело значения, когда мы с ним встречались и беседовали. Когда я сидел у него в кабинете и мы разговаривали, все эти мелочи жизни таяли как туман, и в памяти оставались только его интеллект, его сердечность, его глубочайшие познания. Я бы сказал, это была роскошь общения, и даже не роскошь, а что-то другое, что

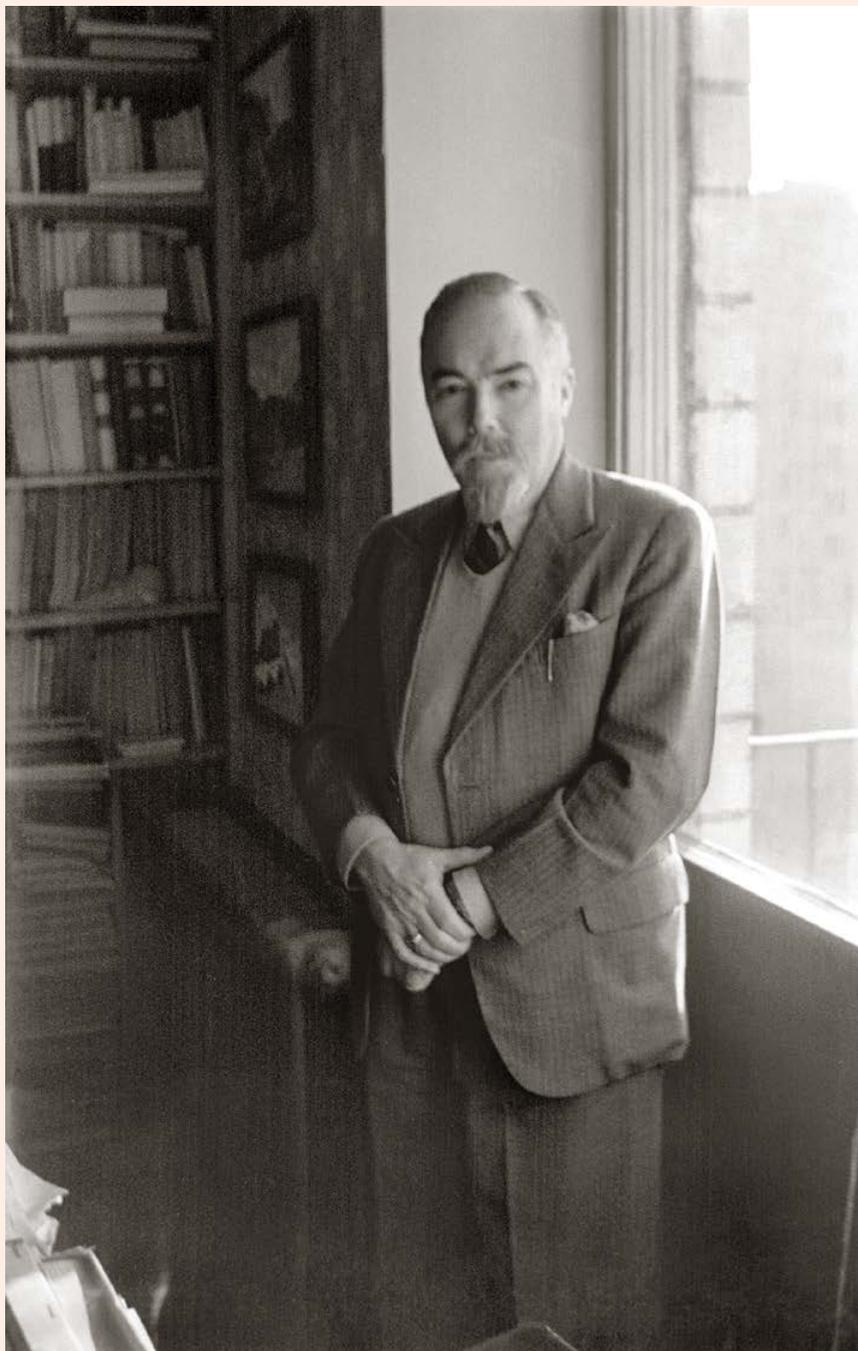
невозможно передать, — общение с исключительным человеком.

Потом мы пили чай в другой комнатке, где жили «сёстры» — так Юрий Николаевич их условно называл. Это были две помощницы, которых Рерихи взяли на пути в Монголию. Тогда это были молоденькие девушки, они помогали в экспедиции, потом они стали как бы членами семьи, но они не могли стать полноценными членами семьи, потому что у них не было образования и культуры. Увы, это слишком невосполнимая вещь. Тем не менее они выполняли свой долг, помогали.

Мы пили чай — Юрий Николаевич привёз из Индии какие-то особые чаи. И знаете, попьёшь этого чая, и потом, когда обратно едешь, впечатление такое, что земное притяжение в значительной степени ослабевает, летишь как на крыльях. Дело было, конечно, не в чае, а в общении с Юрием Николаевичем — видимо, он мог передать очень много своей энергии.

О чём мы с ним говорили? О Востоке, о кочевниках, о Китае. Он говорил, что тем, кто хочет изучать Центральную Азию и её историю, необходимо изучать китайский язык. Сам он прекрасно знал китайский, иероглифику знал. Вообще был глубочайшим полиглотом. Он много говорил о своих впечатлениях, связанных с Советским Союзом, в котором он оказался так неожиданно и куда давно стремился. Он попал сюда только благодаря расположению Н.С. Хрущёва, который в тот момент дал своё добро.

Правда, его пригласили как учёного мирового класса, а встретили как рядового советского учёного средней руки. Отношение к нему в институте, я считаю, было глубоко возмутительным. Такие крупные учёные, как Николай Иосифович Конрад, которого Юрий Николаевич знал, и другие учёные, были настолько скованы грузом прошлого и своих собственных мучений (тот же Конрад был в лагерях, многие ученики его тоже пострадали), что побаивались входить с ним в контакт. Повторяю, побаивались. И когда я принял большое участие в похоронах Юрия Николаевича, на меня смотрели как-то странно: почему этот молодой человек так активно

Ю.Н. РЕРИХ. Москва, 1957 – 1960 гг.

участвует? видимо, у него какое-то разрешение, может быть, он связан с органами?.. Настолько было сложно в те годы.

Юрий Николаевич, с одной стороны, был глубоко счастлив, что вернулся на Родину, — он этого не скрывал. Но одновременно он был, особенно в последний год, глубочайше разочарован — не страной, не людьми, а разочарован приёмом тех властей, с которыми он должен был иметь дело каждый день. Он же не мог всё время писать в правительство или звонить, жаловаться, что-то просить. Он словно стоял перед какой-то стеной. И частенько мне говорил: «Скажите, Андрей Николаевич (несмотря на мой возраст, он называл меня по имени и отчеству), почему так трудно всё? Почему я часто ничего не понимаю? Почему не могу осуществить то, что хочу?» У него ведь были колоссальные задачи и огромные наработки, огромный научный задел.

Ю.Н. РЕРИХ. Переславль-Залесский, 1959

Так, «Историю Средней Азии», к которой я сейчас пишу предисловие и которую должны издать (это около тысячи страниц), он не мог довести до конца, то есть не мог найти людей, которые бы помогли ему закончить макет книги — сделать вычитку, вёрстку, всё, что необходимо. Более того, когда он умер и я заговорил в Институте востоковедения, что имеется такая рукопись, реакцией так называемых специалистов были слова: «Эта работа совершенно устарела, зачем её вообще печатать?».

Это был 1960 год. Сейчас у нас 2002-й — прошло 42 года со дня смерти Ю.Н. Рериха. И когда эта рукопись была отправлена в Петербургский институт востоковедения — Международный Центр Рерихов попросил их помочь эту работу отредактировать и прокомментировать, так как она охватывает колоссальный промежуток времени, — что сказали так называемые корифеи? Что всё это совершенно устарело. Когда слышишь такое, то думаешь: а что, собственно, могло устареть? Что может устареть в истории? Может быть, Александр Македонский или Александр Невский устарели? Может ли устареть то, что происходило тогда? И совсем недавно я понял, *что* устарело: устарела национальная русская точка зрения на исторический процесс.

Люди, которые считают, что они живут в совершенно новой эпохе и что они давно переросли понимание истории, как её понимали наши великие историки и предшественники, — тот взгляд на кочевников, на Степь, на эти культуры, которые когда-то предшествовали Руси, а потом вошли в российскую империю, — им эта позиция абсолютно чужда. И она была

им чужда и 40 лет назад. Потому многие от Юрия Николаевича отворачивались, когда он приехал, — он для них был чуждый. Как бы чуждый элемент с совершенно другим мировоззрением. Ведь у каждого историка культуры есть своё мировоззрение.

Каково же было мировоззрение Ю.Н. Рериха? Он был последователем знаменитой русской школы евразийцев, основателями которой были три столпа: князь Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий — экономист и географ, блистательный идеолог-евразиец, с которым я имел счастье переписываться около десяти лет и который знал и высоко ценил Юрия Николаевича, и сын В.И. Вернадского —

Г.В. Вернадский, с которым я тоже переписывался и который тоже знал Рериха. Они были основателями этого направления, в основе которого лежала мысль о том, что Россия с её культурой и традициями является не частью Запада или Востока в культурно-философском смысле, а совершенно самостоятельным огромным культурно-историческим миром, особым пространством.

Андрей Николаевич, расскажите, пожалуйста, о Вашей с Юрием Николаевичем поездке в Троице-Сергиеву Лавру.

Юрию Николаевичу выделили машину, это была «Волга» голубого цвета, был и шофёр. И вот как-то он пригласил меня проехать по маршруту Троице-Сергиева Лавра — Переславль-Залесский. Это был 1959 год, разгар лета. И мы поехали: он, я и шофёр.

К тому времени я был с ним знаком уже больше года. Знаете, что меня поразило? Он был очень грустный. Может быть, он плохо себя чувствовал. И видимо, уже тогда в нём происходили какие-то внутренние процессы — может быть, он понимал, что не может здесь, на Родине, осуществить очень многое из своих совершенно грандиозных научных и культурных замыслов.

Мы доехали до Переславля-Залесского — родины Александра Невского. Были в том храме, где его крестили. Храм был в полном развале, сами понимаете, что в те годы у нас творилось. Он с грустью осмотрел храм, потом мы поднялись на стены монастыря, который выходит к Переславскому озеру, и смотрели на пологий склон, редкие деревья, крестьянские дома, а за ними озеро. Я взял с собой 16-миллиметровую ки-

нокамеру и снял Юрия Николаевича в тот момент, когда он стоял в арке на крепостной башне монастыря и сосредоточенно смотрел вдаль. Он стоял в профиль и смотрел на озеро. Получился совершенно необычный снимок, он немножко не в фокусе, но зато очень выразительный.

Когда мы ехали обратно из Переяславля — дорога идёт мимо Троице-Сергиевой Лавры — мы, конечно, остановились и пошли в Лавру, были у раки Преподобного Сергия, поклонились мощам Преподобного. И это очень запомнилось. Мы были с ним вдвоём, больше никого не было, это было его желание. Вы знаете, что с Сергием у Рерихов было связано очень многое, к тому же в истории нашей многострадальной Родины это один из подлинных Светочей. Так что всё это было очень значительно для меня, незабываемо.

Однажды Юрий Николаевич побывал и у нас на даче под Звенигородом, это тоже было в 1959 году. Он приехал, мы пробыли там полдня. Когда Юрий Николаевич увидел, что мы занимаемся огородом, он сказал: «Я тоже хочу помочь». Взял лопату, стал копать грядку. Тут стояла тачка, и я заснял, как он с этой тачкой куда-то идёт. Очень активный был человек. Мы тогда очень хорошо провели время.

Юрий Николаевич был знаком не только с буддийской культурой, он был не просто тибетологом — к Тибету у него были особые чувства. Роль Тибета как культурного центра буддизма он очень глубоко понимал, поэтому захват Тибета Китаем и бегство Далай-ламы в начале 1959 года — это тоже на него тяжело подействовало. Ведь фактически произошла колоссальная эмиграция, выброс тибетской культуры за пределы Гималаев, то есть был культурный катаклизм, нечто вроде 1917 года, когда у нас стали уничтожать храмы, ведь до Отечественной войны у нас всё это страшно преследовалось. И то же самое китайцы учинили в Тибете. И, как мне представляется, на него это очень тяжело подействовало.

Он говорил с Вами об этом?

Вы знаете, это была очень острая политическая тема. Она не обсуждалась, но очень многое понималось между строк.

В конце 1959 года Юрий Николаевич взял на себя редактуру знаменитого сборника «Дхаммапада». Перевод с палийского этих буддийских сутр, которые приписываются Будде (это палийский канон, один

Ю.Н. Рерих на даче Зелинских. 1959

из наиболее древних источников), сделал Владимир Николаевич Топоров — санскритолог и прекрасный лингвист, сейчас академик. А в то время выпустить сборник изречений Будды на русском языке — Евангелие буддизма, в новом переводе с палийского первоисточника, — это вроде взрыва бомбы. У нас вообще такой литературы не выходило. И вот в начале 1960 года с очень большими трудностями Институт востоковедения выпускает «Дхаммападу». Не успели её напечатать, как тираж задержали в типографии, потом задержали на складе. Затем Юрия Николаевича вызывают в дирекцию и, как он мне рассказывал, начинают прорабатывать примерно в таком духе: «Как Вы, Юрий Николаевич, доктор наук, советский учёный, могли допустить такое?»

Юрий Николаевич был совершенно потрясён, потому что он вообще к такому стилю не привык, чтобы кто-то кого-то прорабатывал. Для него это был нонсенс, абсурд. И он тогда предпринял то, чем очень всех удивил. Он встал и сказал: «В таком случае я подаю в отставку». В царское время так реагировали на такого рода обструкции, если человек видел, что ничего не может сделать и оправдать себя. Но для нас эта форма была непривычной, и, конечно, у него никакой отставки не приняли и он остался в институте. Но всё это произвело на него очень тягостное впечатление и, несомненно, ускорило его смерть.

Помню, что ещё до выхода «Дхаммапады» он как-то был у нас, и моя мама, человек наблюдательный, художник, говорит: «Юрий Николаевич, что это вы плоховато выглядите?..» Он же в течение первого года ещё был цветущий, пышущий здоровьем, духовным

Ю.Н. Рерих в Подмосковье. 1959

и физическим, но изменился буквально на глазах. Последний раз он был у нас на Пасху в 1960 году, буквально дней за 10 до приезда брата, то есть дней за 20 до смерти. Он приехал, поздравил нас, мы похристосовались. Посидели мы очень хорошо, но в воздухе уже висело что-то очень тяжёлое. А когда я стал ему показывать некоторые вещи, чтобы его как-то оживить, заинтересовать, он смотрел совершенно безучастным взглядом, и видно было, что его что-то заботит.

Возможно, он был озабочен предстоящим приездом брата Святослава Николаевича с женой. Ведь у них двоих были большие замыслы, как сдвинуть с мёртвой точки многие вопросы, связанные с востоковедением, с общекультурными задачами, наконец с тем, где и как разместить картины Николая Константиновича, потому что тогда был спор, где они должны быть, где будет центр-музей, — в общем, вопросов таких было много. И он, видимо, хотел их обсудить с братом, тем более что Святослав Николаевич был тогда вхож в Правительство, его принимал Хрущёв и приезжал потом на его выставку.

В последний раз я видел Юрия Николаевича 11 мая на открытии выставки его брата в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина на Волхонке. Я тогда попросил своих знакомых из Красногорского архива организовать съёмку, и они специально для этого приехали — мне хотелось, чтобы что-то сохранилось. По моей просьбе они сделали съёмку, и фотография, которую вы видите, — это кинокадр 35-миллиметровой плёнки, увеличенный до размеров большого портрета.

В общем, если говорить в целом о линии его жизни здесь, то приехал он на пике большого подъёма,

больших надежд, больших ожиданий, и приблизительно год он был в таком состоянии, когда ему удавалось что-то осуществить и учеников организовать, а потом эта кривая резко пошла вниз.

Кстати, был такой период, когда в Институте востоковедения он занимался с учениками в проходе под лестницей. Это тоже было. Потом ему дали кабинет. Так что отношение к нему носило чудовищный характер. Чудовищный.

Юрий Николаевич — настоящий аристократ духа, тончайшей культуры, высочайшей образованности, ему здесь почти не с кем было общаться, уровень был совершенно другой. Институт готовил хороших специалистов, но людей, которые глубоко зани-

мались проблемой подлинной культуры буддизма, христианства, ислама, — таких были редчайшие единицы, а тем единицам, которые были, наверное, сказали: «С ним не общайтесь, потому что человек этот для нас, так сказать, малоизвестный». Так что Юрий Николаевич находился в изоляции.

Только благодаря случаю я пробился тогда на его доклад в клубе туристов. Там я с ним познакомился, нам удалось пообщаться, и он ко мне очень хорошо отнёсся. Мы виделись примерно раз в месяц-полтора, а ведь это очень много для такого учёного, это большая роскошь. Как-то я месяца два у него не был, мама тоже стеснялась ему звонить, и вдруг у нас на квартире раздаётся звонок: «Нина Евгеньевна, это Вы?» — «Да, это я. А кто говорит?» — «Вы меня не узнаете? Догадайтесь кто». Это был Юрий Николаевич, сам позвонил. Мама потом часто вспоминала этот эпизод. У нас он был всего раза три-четыре за всё время, а я у него на Ленинском проспекте бывал частенько.

Знаете, что запоминается? Запоминается то, что очень трудно передать в словах, — энергия личности, её духовный заряд и колоссальная нравственная высота. Это каким-то образом передаётся другому человеку, если тот способен воспринять. Это как некий аккумулятор, который остаётся на многие годы и продолжает действовать и работать уже в памяти, в сознании, в сердце.

Он был не просто обаятельным человеком, а человеком, которого невозможно забыть. Так, наверное, его воспринимали очень многие.

*М.И. ВОРОБЬЁВА-ДЕСЯТОВСКАЯ, доктор исторических наук
г. Санкт-Петербург*

II. «Он был человеком совершенно другого мира»

Когда Юрий Николаевич умер, первые два года я очень часто приезжала в Москву. Мы с Людмилой Степановной Митусовой делали опись всего, что привёз Юрий Николаевич: она описывала картины, статуэтки, все произведения искусства, а я делала опись его книг. Он привёз библиотеку тибетских рукописей, ксилографов. Вся его библиотека, весь научный материал с его квартиры были доставлены в кабинет Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения в Москве. Кабинет поначалу занимал довольно большой зал, там были вывешены и танки. Сейчас, насколько я знаю, кабинет занимает маленькое помещение, там хорошая библиотека Юрия Николаевича, она действительно довольно ценная. Правда, самые ценные издания тогда были оставлены на квартире. Кабинетом Ю.Н. Рериха заведовала Наталья Юлиановна Лубоцкая, она была секретарём и хранителем. А после того как она уехала за рубеж в конце 1970-х годов, заведующим стал Юрий Яковлевич Цыганков.

Но, судя по всему, того, что мы с Людмилой Степановной тогда описывали, уже не осталось. Вот сейчас совершенно неожиданно появилась рукопись Юрия Николаевича по истории Центральной Азии, которая оставалась в кабинете. Это была машинописная рукопись с поправками Юрия Николаевича на полях; на обороте он своей рукой вписывал добавления. Это история Центральной Азии, материалы эти копились постепенно, он работал над ней в течение многих лет. В Индии ему были недоступны многие русские материалы, и всё, что было здесь добыто, он добавлял, вписывал в рукопись.

Что сделали я и машинистка, которую специально для этого пригласили? — Эти вставки Юрия Николаевича я включала в текст, а машинистка всё это перепечатывала уже в чистовом виде. Кроме того, я добавила библиографию, которую тогда сверили по каталогам библиотеки. В общем, за год мы эту рукопись сделали.

Тогда я не знала, куда делась эта рукопись. Меня все спрашивали, где она. Я говорила, что оставила её в таком-то виде. А сейчас, очевидно, рукопись попала в Рериховское общество в Москве, и они решили её издавать. Рукопись очень большая, её разбили на несколько томов, и один из томов, который касается тюрков, прислали к нам в институт на редактуру. Поскольку там [в МЦР] нет специалистов по древней

и средневековой истории Центральной Азии, они обратились к учёным. Юрий Николаевич начал собирать материалы ещё во время экспедиции, когда был её участником.

Остались его картотеки лингвистических записей, диалектов, собранных во время экспедиции. Где они сейчас — я не знаю, в своё время они оставались в кабинете. Был железный сундучок, и там было довольно много этих материалов. Кое-что он использовал: написал книгу «Диалекты Амдо», она была опубликована ещё в Индии, и, по-моему, «Диалекты Лахула» — тоже была индийская публикация.

Там были прекрасные металлические статуи Будды и тибетских учителей — Дзон-Капы и двух его учеников. Много было в его кабинете, очень много словарей, ценных изданий, которые в то время отсутствовали в библиотеках Советского Союза.

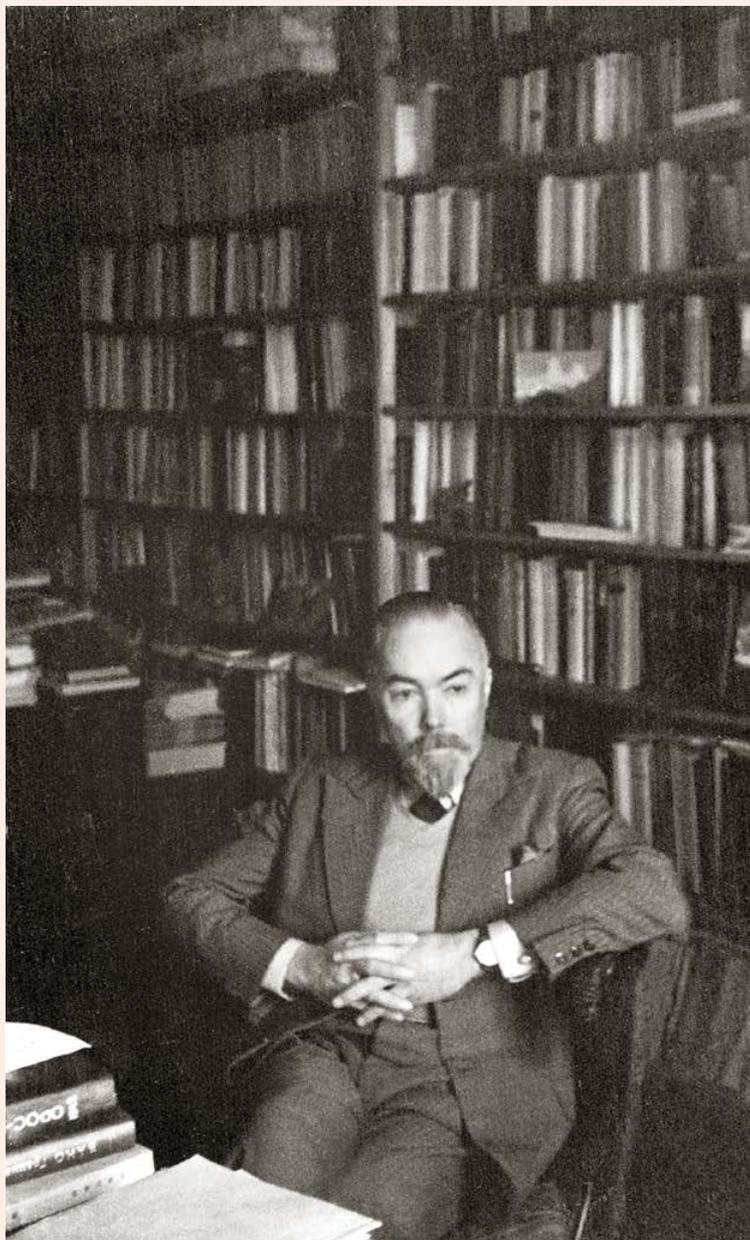
В квартире Юрия Николаевича оставалось много картин и эскизов, в основном Николая Константиновича Рериха, было и несколько картин Святослава. Далеко не все были вывешены, там ведь было очень большое собрание, и всё это стояло в огромной кладовой.

Первые года два после смерти Юрия Николаевича я останавливалась в его квартире, где жила Ираида Михайловна Богданова. Позже, поскольку там появился человек, который забрал всё в свои руки, я перестала там бывать и полностью прекратила поддерживать контакт с Ираидой Михайловной.

Когда последний раз сюда приезжал Святослав Николаевич — привозил выставку, — я с ним встречалась, мы много говорили. Его не пустили в эту квартиру, он тоже не знал, что там осталось. И только по каким-то сведениям, которые он получал со стороны, становилось известно, что Рая то-то и то-то продала. Он был очень возмущён, писал в министерство культуры, но это так и осталось без всяких последствий.

Расскажите, пожалуйста, о Юрии Николаевиче подробнее, ведь Вы с ним работали.

Я работала с Юрием Николаевичем, к сожалению, очень мало. У него было три визита в Ленинград. Один с выставкой, второй с лекциями и третий тоже чисто деловой визит: он был в институте, смотрел кое-какие наши рукописи, то, что ему было нужно. Он привёз выставку Николая Константиновича после

Ю.Н. Рерик в московской квартире. 1957 – 1960 гг.

того как она прошла в Москве. По-моему, это был август 1958 года. Это был его первый визит. Потом он приехал весной 1959 года, был в университете. Там была группа тибетологов, он провёл несколько занятий с нашей группой. Я тогда им преподавала. Тибетологов было трое, а сейчас из этой группы у нас остался только один сотрудник. Потом Юрий Николаевич прочитал на восточном факультете несколько лекций на тему «История распространения буддизма».

Сам Юрий Николаевич настолько был не похож на всех наших, настолько был знающим, очень знающим человеком с огромной эрудицией не только в области индийских языков, но и тибетского, и монгольского, и местных диалектов, центрально-азиатских религий и буддизма в частности; он был и знатоком искусства.

Когда Юрий Николаевич приехал на Родину, к нему за советами сразу бросилась масса людей со своими

работами, просили его быть редактором их книг, если это подходило по тематике. Он никому не отказывал, писал отзывы на кучу работ. У него на столе пачками лежали чужие работы.

Он был необыкновенный человек, в то время у нас таких не было, невероятно скромный, даже иногда застенчивый, — он был человеком совершенно другого мира по своей интеллигентности, по своей выдержанности, по мягкости, с которой он обращался с людьми. Я никогда не слышала, чтобы Юрий Николаевич повышал голос или резко о ком-то отзывался. Никогда в жизни! Если какая-то работа, которую ему приносили, его не устраивала, то замечания он делал в самой мягкой форме, никого никогда не обижал. Работать под его руководством было просто одно удовольствие.

Юрий Николаевич всегда всем старался помогать. В Институте востоковедения для него открыли сектор истории религии Индии. Там у него было человек семь молодёжи. Ни тибетского, ни санскрита большинство из них ещё не знало, и материальное положение у многих было очень неважным. Все они работали — или лаборантами, или младшими научными сотрудниками. У Юрия Николаевича были часы санскрита, тибетские часы, и он занимался не только в институте, но и к себе домой приглашал. При этом старался всех накормить, как-то материально поддержать. Он понимал, что у нас несытно и трудно материально. И ученики его сектора буквально боготворили Юрия Николаевича. Сейчас никого из них не осталось, кто-то уехал, кто-то умер.

Был в Москве ещё один институт — Институт китаеведения, там он работал в отделе Тибета, занимался тибетским языком с целой группой. Когда я приезжала в Москву, я тоже приходила на эти занятия.

У нас в Петербурге в Академии наук есть Лаборатория консервации и реставрации материалов. Этой лабораторией заведовал Владимир Сергеевич Люблинский. И оказалось, что Юрий Николаевич был знаком с ним. Они встретились как старые друзья, я присутствовала при их встрече. Было очень трогательно видеть, как они друг к другу относятся.

Юрий Николаевич был небольшого роста, широкоплечий, скуластое лицо делало его очень похожим на отца. И когда он пришёл в школу, где работал Николай Константинович, а пришёл он в это помещение рано утром, — кто-то оказался там так же рано и, увидев его издали в коридоре, был страшно перепуган. Юрий Николаевич был

настолько похож на своего отца, что этот человек закричал: «Рерих!» — и в ужасе убежал, решив, что встретил его тень. Святослав совершенно другой, он только глазами походил на отца, а Юрий Николаевич значительно больше, потому что у него было лицо монгольского типа — просто копия отца.

Вы говорите о его необыкновенной мягкости, о непохожести на наших людей того времени. Наверное, ему сложно было работать в институте в той обстановке?

Ему было очень, очень сложно. Много из нашей жизни, нашей советской действительности ему было непонятно. Например, была дама, которая жила в том же доме, где и он, и регулярно его посещала — якобы она была в большой дружбе с ним — и проверяла всю его переписку. Приходила и спрашивала: «А какие письма вы получили?» Юрий Николаевич понимал, что это неспроста, что это не просто по-соседски. Что-то он вынужден был показывать, но, наверное, не всё. И когда однажды я была у него и мы сидели за чайным столиком, она вела «душеспасительные» беседы: дескать, приехали бы вы сюда в 1937 году, так вас бы в живых не было, так что ваше счастье, что вы не приехали, потому что очень много среди учёных было неблагонадёжных людей.

Нам говорили о каком-то собрании, которое состоялось незадолго до его ухода из жизни.

Это было не собрание — это было хуже, это была такая проработка! Проработка на уровне Президиума Академии наук.

Из печати вышла книга, редактором которой был Юрий Николаевич, — знаменитая «Дхаммапада» в переводе с пали. Её перевёл сотрудник нашего института. В этой книге кроме афоризмов ничего буддийского нет, ничего типично буддийского, что бы говорило о буддизме как о религии или философской доктрине. Это в основном афоризмы, высказывания. Перевод был сделан не в стихах, а в прозе, хороший перевод.

Ещё до революции у нас издавалась серия «Библиотека Буддика», которой непосредственно руководил академик С.Ф. Ольденбург. С его смертью в 1934 году эта серия прервалась. А тут издали книгу в этой серии — это единственное, что могло кого-то возмутить. И наш Президиум Академии наук страшно возмутился, что это пропаганда религии, пропаганда буддизма. Юрия Николаевича вызвал заместитель директора института Ульяновский, его потом из института выгнали и он работал в отделе науки ЦК. Так он просто кричал на Юрия Николаевича и топал ногами: что он вообще себе позволяет, «это вам

не Запад, а Советский Союз, и у нас всё другое, и идеология другая...».

На Президиуме Академии наук в резкой форме выступил академик Поспелов, он сказал, что Институт востоковедения устроил совершенно аморальную и антисоветскую вещь, выпустив такую книгу, и как это вернувшийся с Запада учёный позволил себе поддержать эту инициативу и быть редактором этой книги! После этой проработки у него и случился инфаркт, то есть его инфаркт напрямую был связан с этим событием. Так грубо, неделикатно наше академическое начальство обошлось с человеком, который к такому обращению и отношению не привык, и это всё отразилось, сыграло свою роль. Сердце его не выдержало.

Маргарита Иосифовна, Вы потом встречались со Святославом Николаевичем?

Да, встречалась. У нас в Петербурге есть буддийский храм. Во время войны там была местная радиостанция, а после войны — Зоотехнический институт. И Юрий Николаевич поставил вопрос о том, чтобы это здание передали Академии наук. Это решение состоялось, и его действительно передали. Мало того, нам выделили на это штат сотрудников. Как раз приехал Святослав Николаевич, мы ходили в храм, смотрели, что там осталось. Там остался небольшой витраж Николая Константиновича. И когда Юрий Николаевич был здесь, он был первым, кто посетил этот храм. Мы вместе с ним ездили туда и даже измеряли всё, там были какие-то перестройки во время и после войны, всё это можно было разобрать.

То есть он хотел воссоздать этот храм?

Юрий Николаевич хотел воссоздать храм и самое главное — библиотеку. У нас ведь что получилось? Когда в Бурятии велась кампания против буддизма, там закрыли все монастыри, свалили в товарные вагоны все ксилографы и вывезли их сюда в Петербург. Большинство из них попало в Казанский собор, там был музей истории религии и атеизма. Они лежали у них где-то в подвалах, потом им всё это надоело, и они обратились к нам: дескать, заберите. И большинство действительно было забрано нашим институтом. У нас оказалась огромная коллекция — целая комната была набита материалами из Бурятии. Вот оттуда-то у нас и танки, и многие ксилографы. У нас сейчас 18 тысяч единиц хранения и даже больше, потому что есть многотомные собрания сочинений, которые идут под одним номером. Так что там достаточное количество всяких материалов. И когда Юрий Николаевич приехал и всё это увидел, он хотел использовать буддийский храм именно под хранилище этих рукописей.

Кабинет Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения. Москва, 1992

В Казанском соборе была также довольно неплохая буддийская коллекция — много отдельных культовых предметов, в частности скульптур из буддийского храма, которые у них валялись где-то на чердаке (потом, когда уже стали храм восстанавливать, часть материалов они отдали, потому что это для них был совершенно ненужный хлам), и Юрий Николаевич хотел всё это свезти в буддийский храм и сделать там музей и хорошую библиотеку тибетских рукописей. И решение это состоялось, но тогда, когда Юрия Николаевича уже не стало. В 1961 году умер директор нашего института академик И.А. Орбели, который очень был заинтересован в этом храме, и мы составляли планы. После его смерти у нас не хватало средств на восстановление: надо было проводить очень большие ремонтные работы, но денег на это не было. Поэтому институт отказался от храма, и он какое-то время был закрыт.

А что Вы можете сказать о веровании Юрия Николаевича? Эта сторона вам знакома? Вспоминают, что он посещал Троице-Сергиеву Лавру.

Он посещал, но в его доме не было ни одной иконы, это я совершенно точно могу засвидетельствовать, был только буддийский иконостас. Это же был период запрета на религию. Ничего особо активного он не проявлял в этом отношении.

Когда Юрий Николаевич умер, была гражданская панихида. Я не присутствовала, мало того, я узнала о его смерти по радио и не успела даже приехать. Я приехала уже через два дня после того, как его похоронили. Приехала как раз в эту квартиру, а так как сёстры Богдановы меня знали, они сразу меня приняли. Пришёл Святослав Николаевич, сразу попросили меня разобрать бумаги, заняться всем этим

делом. Я пошла в институт, договорилась, мне дали командировку, и я там месяц работала.

Могу сказать, что отпевание было и христианское, и буддийское. И это страшно возмутило начальство в институте. Это Святослав договаривался, поскольку они с Девикой были здесь в то время. Потом Святослав получил урну с его прахом. Он долго стоял и думал, потом отсыпал из неё часть пепла и увёз в Индию. Там они развеяли его, так же как когда-то отец просил развеять его прах.

Маргарита Иосифовна, скажите, Юрий Николаевич упоминал что-то о родителях? Об экспедиции что-то рассказывал?

Он кое-что рассказывал, безусловно. Когда отец умер, Юрий Николаевич поддерживал мать, они жили вместе долгое время. Он очень любил её. Вообще мать у них в семье занимала совершенно особое положение, она была на уровне святого. Она действительно была женщина очень необыкновенная, образованная и очень религиозно направленная. Она создала Агни Йогу. Это не буддийское Учение, оно было практически осознано ею и введено в жизнь. Юрий Николаевич к ней относился с большим почтением, часто её вспоминал и приводил её слова по всяким жизненным поводам. Отца он вспоминал, когда приехал сюда, в Петербург, и ходил по местам, где протекала деятельность отца.

Всё это было так давно, и какие-то моменты я уже смутно помню. Сейчас, после того как прошло много лет, я уже начинаю понимать, что, может быть, тогда я многое не осознавала. Это было так, словно к нам тогда, в наш муравейник, вдруг спустилась какая-то небесная сила — Юрий Николаевич, но, к сожалению, он недолго пробыл с нами.

В.С. ДЫЛЫКОВА, доктор филологических наук, г. Москва

III. «Он шагнул в третье тысячелетие»

Я никогда не думала, что после ухода Юрия Николаевича Рериха вся моя последующая жизнь будет связана с его работами. Ваш приезд и ваши вопросы вернули меня в далёкое прошлое, на 45 лет назад, в те события, которые связаны с именем Юрия Николаевича. С ним я познакомилась совершенно случайно, это было связано с работой моего папы*, поскольку он возглавлял сектор Монголии в Институте востоковедения, а Юрий Николаевич, приехав в Советский Союз, возглавлял сектор истории философии и религии отдела Индии.

По времени это совпало с решением Советского правительства возродить буддийскую церковь в России. Начали завязываться дипломатические отношения с другими странами Юго-Восточной Азии — это Индия, Цейлон, Китай и Монголия, а это всё буддийские страны. Посол Цейлона профессор Малаласекера, который был образованнейшим человеком, настоящим пандитом, буддологом, был близко знаком с Юрием Николаевичем Рерихом. Вместе они стали вести группы молодёжи в Институте востоковедения, читать лекции, готовить кадры, знакомить с Цейлоном, сингальским языком, историей буддизма на Цейлоне, языком пали, санскритом. То есть приезд Юрия Николаевича Рериха явился мощным толчком для развития отечественной тибетологии после огромного периода застоя, когда традиция изучения научной тибетологии и вообще индологии и буддологии была прервана.

Без Юрия Николаевича ничего бы этого не было — ни научной тибетологии, ни востоковедения, ни индологии, ни санскритологии. Благодаря Юрию Николаевичу у нас появились замечательные востоковеды, которые продолжили это дело. Может быть, и без него появились бы кадры, но такого мощного толчка и дальнейшего эволюционного развития просто не было бы. Столько заряда он нёс в себе, столько знаний!

Нам нужен был действительно выдающийся учёный-востоковед, полиглот, который бы совершенно свободно ориентировался по всем странам Востока, по всем языкам, глубоко всё это знал, был подготовлен в научном плане как филолог, историк, археолог, искусствовед, литературовед, фольклорист. То есть я не могу назвать ни одну отрасль научного востоковедения, где бы Юрий Николаевич не чувствовал

себя свободно. В этом пространстве он передвигался совершенно легко, непринуждённо, блестяще. Это было просто поразительно. Он развил такую бурную деятельность! Он отдавал, отдавал, отдавал. Около него собралась действительно блестящая, талантливая молодёжь, которая потом добилась больших успехов и в индологии, и в буддологии. Около него собирались желающие учиться, и они учили тибетский, санскрит, пали. Он рассказывал о своей жизни среди тибетцев, это были очень живые рассказы. Он был замечательным рассказчиком и делал это с необычайной любовью.

Очень хочется, чтобы представители молодого поколения, которые не знали Юрия Николаевича, хотя бы по нашим воспоминаниям узнали о таком светлом образе настоящего, выдающегося учёного, которым гордится наша отечественная наука. Узнали о его работе, научной и общественной, о дипломатической деятельности, потому что его знали абсолютно все послы, он везде был желанным гостем. Для него не существовало языкового барьера, и было поразительно, что Юрий Николаевич говорил на всех языках, переходя с одного на другой, ему не нужен был никакой переводчик.

Ему присвоили докторскую степень, он получил звание профессора. Но, положив руку на сердце, можно сказать: это был такой блестящий учёный, который совершенно спокойно поднимал неподъёмные глыбы очень трудных основ, что, конечно, это был настоящий академик. Это был бриллиант чистой воды, который не нуждался в оправе.

Юрий Николаевич очень любил Восток: и бурятов, и монголов, в нём текла кровь прабабки, которая была из Золотой Орды. Когда они с Николаем Константиновичем надевали восточные одежды, то можно было сразу увидеть, что это представители монгольской аристократии. Для моих родителей он был свой, и они были для него своими. И благодаря родителям я тоже оказалась причастной к этому.

Мы с Юрием Николаевичем встречались в посольстве Цейлона. Профессор Малаласекера с женой приглашали нас. Я не очень всё это любила, всё время старалась как-то этого избежать, но если приглашают, то нужно было идти. Там я впервые увидела Юрия Николаевича.

Вы знаете, Юрий Николаевич меня просто поразила своей внешней красотой. У него была какая-то

* С.Д. Дылыков (1912 – 1999) — монголовед, доктор исторических наук.

необыкновенная красота человека, который не осознаёт, что он красив. У него были очень умные, живые глаза. И когда он улыбался, эта улыбка освещала его лицо. Это была очень светлая улыбка. Он был, как бы это выразить, очень негромок, очень тих, всегда очень элегантен, очень собран.

У Юрия Николаевича было особое биополе, и когда ты попадаешь в это биополе, то чувствуешь себя необыкновенно хорошо, комфортно, испытываешь чувство радости. Радость проходит через весь буддизм и всю религию Тибета, его культуру. И если строили храм, монастырь, он так и назывался — «радостный», «приносящий радость», «дарующий радость». В буддизме несколько видов радости. Так как я занималась Тибетом, то могу сказать, что это чувство радости действительно есть национальная специфика, достижение тибетцев. И в общении, когда встречаешься с такими необычайными людьми, как Юрий Николаевич Рерих, то испытываешь настоящую радость. Было так хорошо, так необыкновенно комфортно! Он излучал совершенно замечательные флюиды. От Юрия Николаевича никогда ничего отрицательного не было. Это была всегда очень положительная, очень светлая энергия.

Он всегда был очень элегантен, всегда подтянут, какая-то необыкновенная аккуратность во всём, необычайная собранность и то, что мы называем «комилфо». На приёмах всё время шло общение, и везде Юрий Николаевич был главным действующим лицом, потому что он был всем нужен. Всё время он что-то решал, был занят то с иностранными послами, то с научными кругами.

В нём никогда не было суеты, он никогда никуда не спешил — это удивительное качество. У него было прекрасное, я бы сказала гармоничное общение с пространством. Он так его чувствовал, вписывался и передвигался как-то очень-очень быстро, незаметно для всех, мгновенно — то он в одной комнате разговаривал, потом переходил в другую, а потом подходил к нам и говорил: «Вы не уходите без меня. Я вас подвезу на своей машине». И ни разу не позволил нам уйти на своих ногах. Он подвозил нас к метро «Маяковская», оттуда нам по прямой линии на «Сокол», а ему это было совсем не по дороге, он потом делал большой крюк, чтобы выехать на Ленинский проспект.

Вы знаете, что меня поражало? Как вёл машину Юрий Николаевич. Его машина так же плавно передвигалась в пространстве. У других бывают какие-то рывки, скрежет, лихачество, кто-то что-то нарушает. У Юрия Николаевича никаких проблем не было. Он был так талантлив, что даже машину вёл настолько идеально, что мы не чувствовали. Мы садились,

машина трогалась, мягко подъезжала, мы высаживались у метро. Поразительная гармония во всём, умение делать всё замечательно и талантливо — это, конечно, присуще только выдающимся людям.

И кроме того, Юрий Николаевич был ещё и учёным с мировым именем, и это сочеталось с такой необыкновенной простотой, внимательностью в жизни. Он никогда не делал различия, будь то академик или уборщица в Институте востоковедения — он так же приветливо улыбался, так же раскланивался. Это присуще людям очень тонким, с очень высокой культурой. Такие люди, конечно, являются украшением нашего общества.

А что он делал в науке! У него был такой насыщенный день, что я даже не представляю, когда он спал. Он приезжал на работу, у него начинались занятия по языкам. После занятий у него был сектор, он решал все вопросы: научные, плановые. Потом его всё время приглашали на какие-то заседания. При этом он готовил книги, публикации, статьи, сборники — всё время шла работа. Приезжал домой, там опять были встречи, каждый решал свои вопросы, он принимал. Нагрузка просто поразительная, день был насыщен до предела. Ещё эти приёмы, посольства, дипломаты. Он ездил в Бурятию, общался с бурятскими учёными, приезжали монгольские учёные. Это просто поразительно, как Юрий Николаевич всё успевал делать.

К Юрию Николаевичу приезжала вдова Андрея Ивановича Вострикова — блестящего учёного, ученика академика Ф.И. Щербатского, в 32 года он был уже профессором, прекрасно знал санскрит, тибетский, монгольский. И он готовил рукопись книги «Тибетская историческая литература». В 1937 году он погиб, а эту рукопись сохранила его вдова. И когда она узнала, что Юрий Николаевич в Москве, она приехала и вручила ему рукопись лично.

Юрий Николаевич, ознакомившись с рукописью А.И. Вострикова, понял, что это архиважный труд — первая научная монография по тибетской исторической литературе, и он сделал всё, чтобы её подготовить к изданию, был её ответственным редактором, и она была издана. Эта книга вышла в восстановленной серии «Библиотека Буддика», которая прервалась с уходом наших выдающихся академиков. Потом книга профессора Вострикова была переведена на английский язык в Индии, она стала настольной книгой всех тибетологов мира, и в этом огромная заслуга Ю.Н. Рериха.

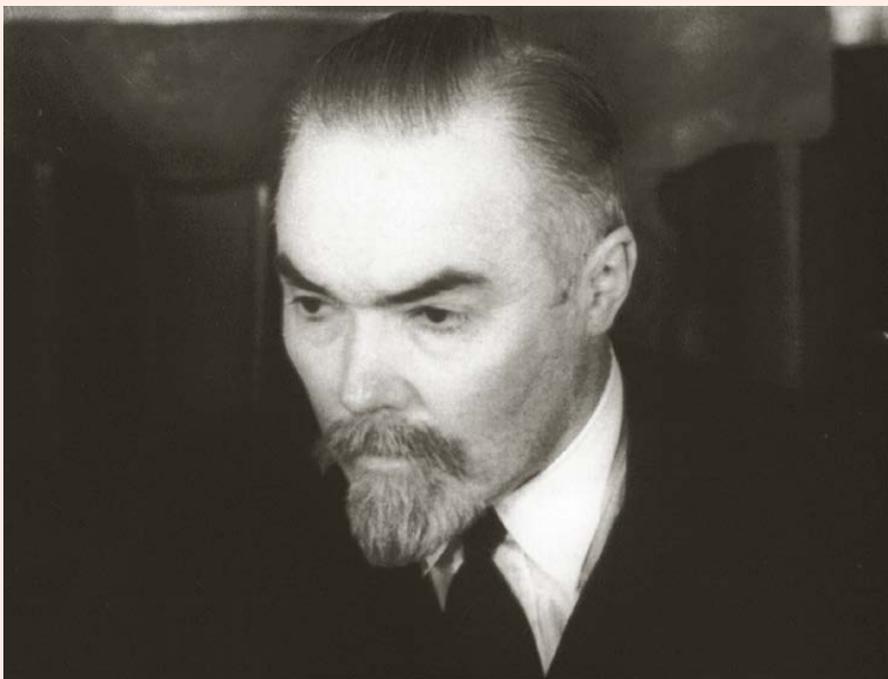
Поскольку Юрий Николаевич был лингвистом и прекрасно знал все диалекты тибетского языка, то он в этой серии издал книгу очерков о языках мира,

которая была запущена в Институте востоковедения в отделе языков. Эта монография называется «Тибетский язык». Он там изложил грамматику тибетского языка. У него был свой, особый подход к тибетскому языку, в конце были тексты, был словарь. И когда читаешь переводы Юрия Николаевича на русский язык, конечно, очень сожалешь, что так мало было переведено им. Поражал его литературный талант, его поэтический дар. Уже после его ухода я познакомилась с его докладом «Сказание о Раме» на русском языке — это совершенный блеск. Такой русский язык — это образец, язык настолько чистый, поэзия во всём, знание материала, знание тибетской поэзии, фольклора. Подпадаешь под мощное воздействие того, что писал Юрий Николаевич на русском языке, и получаешь необыкновенное удовольствие от прекрасного литературного русского языка. Для нас это просто огромный дар.

Потом эта трагическая история с изданием «Дхаммапады» Владимира Николаевича Топорова. Это тоже «Библиотека Буддика». И он успел её опубликовать, использовал все свои связи. Он действительно ценил, когда молодой учёный создаёт совершенно блестящий научный труд. Он делал абсолютно всё, чтобы книги выходили, чтобы можно было знакомиться, читать авторов нашей отечественной востоковедческой науки.

У него не выдержало сердце всех этих перегрузок: смена климата, смена образа жизни, все эти переживания, стрессы. Помимо всех неприятностей с изданием «Дхаммапады» у него была большая неприятность с изданием его рукописи «Тибетско-английского словаря с санскритскими параллелями». Он написал его в 25 – 27 лет, это было в 1935 году. Он подготовил рукопись, и его голубой мечтой было издать этот словарь. Была создана группа, которая помогала расписывать на карточки; рукопись состояла из более 5000 страниц — я помогала в этой работе, поэтому прекрасно знаю почерк Юрия Николаевича, такой стремительный, летящий. Он всё делал красиво.

Когда Юрий Николаевич начал работу по подготовке своей рукописи, он заключил договор с издательством национальных словарей, чтобы издать этот словарь. Причём, так как у него не было русского эквивалента перевода, Юрий Николаевич планировал со своей группой сделать словарь и с русским переводом, он мечтал издать четырёхязычный словарь. Договор

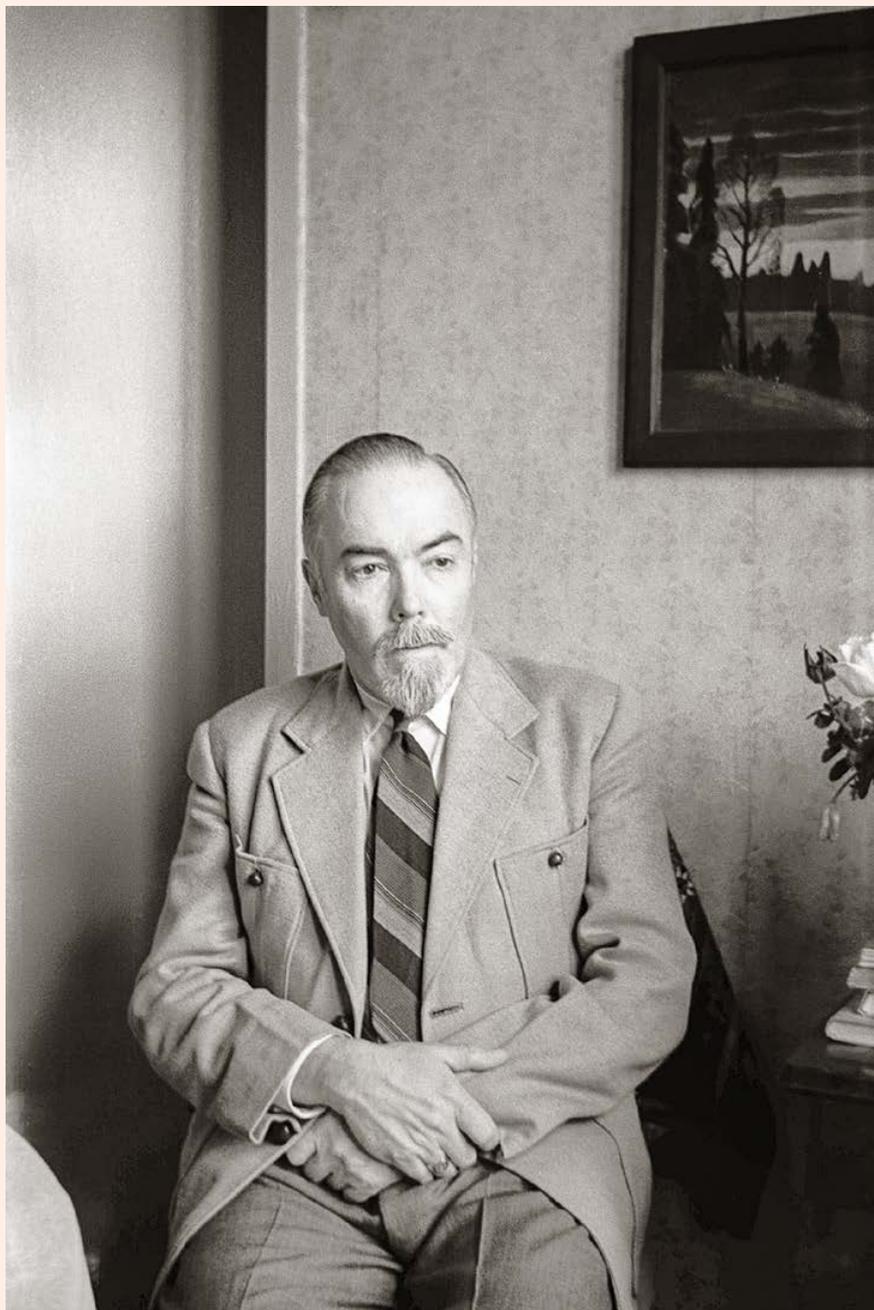

Ю.Н. Рерих. Москва, 1959

был заключён, его попросили подготовить макет, он его подготовил и представил комиссии. Комиссия состояла из специалистов нашего института, которые делали словари-лексикографы. И они, ознакомившись с макетом, сказали, что он не годится, так как это не словарь, а словник, и его абсолютно невозможно опубликовать. На этом заседании присутствовал мой муж Юрий Михайлович Парфионович, он-то мне и рассказал об этом. Договор с издательством национальных словарей, конечно, был расторгнут.

Я этот макет сохранила. Святослав Николаевич передал рукопись лично в руки моему мужу, и мы с мужем довели это дело до конца, сделали этот словарь, который был признан лучшим. Тибетологи им пользуются, переводят тексты, ведь буддийские тексты достаточно сложны, и все говорят: какой хороший словарь! Все называют его «Словарь Рериха». К Тибету интерес огромен. Но когда начинаешь изучать язык, то изучение начинается с учебника и словаря. И этот словарь Юрия Николаевича Рериха разошёлся по подписке — 6200 экземпляров. Он получил широкое признание за рубежом. Мне кажется, мы выполнили свою миссию.

Юрий Николаевич прожил после возвращения всего два с половиной года — это, конечно, необычайно малый срок. Я понимаю сейчас, как нам не хватает такого специалиста, чтобы просто задать ему вопрос. Когда какие-то сложности, ты всё время думаешь, думаешь... А вот был бы Юрий Николаевич, задал бы ему вопрос, он ответил бы, и никаких проблем. Это огромная утрата, которую осознаёшь, когда сам становишься тибетологом.

Ю.Н. РЕРИХ. Москва, 1957 – 1960 гг.

Надо полагать, что отношение к нему в институте было достаточно неоднозначным: с одной стороны, любовь студентов, с которыми он занимался, а с другой — упоминают о каком-то собрании, где ему предъявлялись обвинения в буржуазности и так далее. Это всё было?

Конечно. Всё дело в том, в какое время мы жили: у нас всё время искали врага — либо в обществе, либо среди врачей, либо в науке.

И даже колоссальные знания не защитили его от таких нападков?

Ведь это было связано с тем, что он попал в общество, которое было присуще нашему государству, и тем не менее он пытался это понять, потому что любил Россию. Рерихи не по своей воле оказались вне России, и всю жизнь у них было стремление вернуться на Родину. Юрий Николаевич получил блестящее образование в Великобритании, во Франции и в Америке, но любовь к России

он и остальные члены семьи пронесли через всю свою жизнь. Юрий Николаевич выполнил заветы отца. Они все так много сделали для российской науки, для российской культуры, что, конечно, можно констатировать, что Рерихи являются культурным и научным достоянием России.

Юрий Николаевич был очень ранимым человеком, он не понимал, почему на него кричали. Он ведь тоже был администратором, заведовал сектором, и по всем делам нужно было приходиться и решать вопросы с заместителем директора. Если у начальника плохое настроение — подвернётся кто-то под руку, он и накричит. Другое дело, что мы в этой системе живём и не обращаем на это внимания, а Юрий Николаевич был человеком совсем другой закалки, другого воспитания, он считал, что если он пришёл по своим делам к заместителю директора, а тот вдруг на него накричал, то Юрий Николаевич делает вывод, что он не соответствует занимаемой должности и должен уйти в отставку.

У него были хорошие отношения с моим папой. Юрий Николаевич его спрашивал: то-то случилось, и я немедленно должен уволиться? Папа говорил: «Юрий Николаевич, ни в коем случае никакого рапорта подавать не нужно». А он говорил: «Ну как же так? Это же шеф». Папа объяснял: «Не надо обращать на это внимания и ничего не надо писать. У него плохое настроение, может быть неприятности дома или вышестоящий начальник на него накричал, а вы пришли к нему и просто подвернулись под руку, он и выплил на вас своё плохое настроение. И не надо принимать это серьёзно. Нужно просто забыть и продолжать жить». Юрий Николаевич никак не мог этого понять, он не мог привыкнуть, что наши начальники кричат, когда хотят, и наши люди на это не обращают внимания.

Юрий Николаевич никогда не повышал голос, у него не было срывов. Это такое воспитание, такая культура — он просто никогда не мог ни повесить голос, ни сорваться, было идеальное поведение во всём. Конечно, он выделялся на нашем

фоне, что приносило огромную радость тем, кто с ним общался. И сочетание красоты внешней и внутренней. Помните у Чехова, что в человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Вот это всё было в Юрии Николаевиче и Святославе Николаевиче. Одно дело мы читаем, а тут мы видим Юрия Николаевича, который действительно в себе всё совместил. Красота внешняя, красота внутренняя, элегантность, поведение, необычайная скромность, такое

мощное обаяние, мягкая, светлая улыбка — это действительно то, что бывает у буддийских святых.

Его безупречная учёность поразительна, ведь Юрий Николаевич с 12 лет стал изучать языки и Восток: монгольский, тюркский, санскрит, пали, китайский, он знал 30 языков. Полиглоты — это особые люди, с особым сознанием, с особым складом ума. Они живут, опережая время своими знаниями, своими работами. И то, что Юрий Николаевич перевёл в 1949 году «Голубые анналы» — историю Тибета начиная с древности по XV век включительно, написанную тибетским учёным-историком Гой-лоцава Шоннупэллом, — это такой огромный вклад в научную тибетологию! Юрий Николаевич — выдающийся тибетолог, он вошёл в пятёрку выдающихся тибетологов мира, он стоит рядом с Джузеппе Туччи. Мы должны гордиться, что наши российские учёные оказались в числе самых выдающихся учёных мира. Это факт. То, что сделано Юрием Николаевичем Рерихом, — это такие мощные пласты, которые никто никогда не мог поднять и не может.

Тема Калачакры. Образованные тибетцы, наши индологи и все тибетологи всегда предупреждают: прикасаться к этой теме очень опасно. И не просто опасно, а смертельно опасно. Тибетцы сделали очень много, они эти священные тексты открыли зарубежному читателю. Тибетская Тантра — это самое сложное, из них самая сильная и могущественная — Калачакра-тантра. И Юрий Николаевич написал совершенно блестящую статью «К изучению Калачакры». Интерес

Ю.Н. Рерих среди бурятских учёных. Улан-Удэ, 1959

к Калачакре высок не только на Западе. Верховный лидер Тибета Далай-лама XIV проводил массовые посвящения в Калачакру в Северной Америке, потом в Монголии, потом в Индии. Тибетская цивилизация очень востребована в настоящее время. И Юрий Николаевич Рерих это предвидел и был первым, он не остался в XX веке, а сразу шагнул в третье тысячелетие. Он ушёл из жизни в 1960 году, сейчас уже третье тысячелетие, а всё, что сделал Юрий Николаевич, актуально и востребовано.

Ю.Н. Рерих — основоположник научного подхода к восточным цивилизациям. И лично для меня он так и остался учителем, он для меня не ушёл, потому что человек не может уйти, его труды остаются. У него были связи с всемирно известными учёными, ему дарили книги с автографами блестящие востоковеды и тибетологи, китаисты: это и Жак Бако, и Поль Пеллио; многие присылали свои переводы и книги. Юрий Николаевич их не просто читал, он по ходу отмечал ошибки, то, что неточно переведено. Очень интересно проследить, как мыслил Юрий Николаевич, как он правил, — это какое-то вхождение в тот мир, с которым сталкиваешься, когда непосредственно занимаешься переводами, трудами, книгами по Тибету.

Все Рерихи пронесли свою любовь к России от начала и до конца жизни. Они сделали так много для культуры в планетарном масштабе, для науки, для искусства — это общечеловеческий вклад в культуру.

М.Ф. ДРОЗДОВА-ЧЕРНОВОЛЕНКО, г. Москва

IV. Встреча с необыкновенным человеком

При воспоминании о Юрии Николаевиче Рерихе возникает образ человека очень скромного, сдержанного, удивительно обаятельного. Его улыбка, его глаза всегда светились такой добротой. Иногда он был задумчив, как-то уходил в себя, но вместе с тем в такие моменты он не удалялся от собеседника, с которым общался.

Наша первая встреча с Юрием Николаевичем была в большом зале консерватории, когда мы с Виктором Тихоновичем Черноволенко были на концерте Скрябина. Во время антракта, прогуливаясь в фойе большого зала, мы обратили внимание, что Б.А. Смирнов-Русецкий стоит рядом с каким-то неизвестным нам лицом и с ним две дамы. Мы подошли, и Борис Алексеевич представил нам Юрия Николаевича, а он представил сестёр Богдановых. Так началось наше знакомство — через Скрябина. И это осталось на всю

жизнь в моём сердце и в сердце Виктора Тихоновича. Общность интересов этих двух людей — Виктора Тихоновича, художника, и Юрия Николаевича, историка, исследователя, — составили особый климат в их отношениях. Виктор Тихонович на встречу с Юрием Николаевичем всегда шёл как на великий праздник. На этих встречах Юрий Николаевич много говорил о родителях — Елене Ивановне и Николае Константиновиче, о брате-художнике. Со Святославом Николаевичем и Девикой Рани мы познакомились в 1960 году, когда они приехали на выставку картин Святослава, которая открылась 11 мая в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Мы были приглашены туда. Юрий Николаевич, несмотря на свою занятость, много внимания уделял этой выставке, которая была торжественно открыта.

Там Вы и познакомились со Святославом Николаевичем?

Да, но такого официального представления в рамках торжественного открытия выставки не было. А потом уже, спустя несколько дней, где-то 17 мая, мы — Виктор Тихонович и я — были приглашены в дом Юрия Николаевича. Мы и раньше там бывали, но эта встреча была посвящена исключительно открытию выставки картин Святослава. Есть несколько фотографий, зафиксировавших нас всех сидящими за столом, за чашкой чая. Эти фотографии были опубликованы в альбоме картин Виктора Тихоновича. Они будут опубликованы в книге*, посвящённой 100-летию Юрия Николаевича, которую мы с Евгенией Михайловной Величко-Мухиной готовим к дню его рождения, к 16 августа. Предполагаем поместить там целый ряд фотографий, очень редко публиковавшихся до сего времени, и дать наши воспоминания о встречах с Юрием Николаевичем.

Вся семья Рерихов — это удивительное явление XX века. Все они были призваны служить культуре, науке, нести просветительное слово — такое слово, которое поднимает людей и помогает осмыслить своё предназначение. Вся семья — это удивительный феномен. Есть ли в истории нашей планеты примеры явлений, подобных семье Рерихов? Придёт время, когда люди по-настоящему оценят и поймут великую миссию этой семьи. И каждого по отдельности будут помнить, их вклад: Юрия Николаевича — в науку,

Ю.Н. Рерих, В.Т. Черноволенко, М.Ф. Дроздова-Черноволенко
Москва, 1959

* Величко-Мухина Е.М., Дроздова-Черноволенко М.Ф. Воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе. М., 2002.

отца и мать — как Великих Подвижников и просветителей, брата — как выдающегося художника. Подумать только, как много они оставили миру! И хочется быть достойными их деяний и хоть немножко самим что-то сделать для мира, для людей.

В связи с тем, что в этом году 16 августа исполняется 100 лет со дня рождения Юрия Николаевича, мы в Москве готовимся отметить эту дату, как и в других городах России, торжественно и красиво. Решили говорить о нём как о человеке. И те, кто имел счастье и был удостоен быть в кругу его друзей, стараются вспомнить те факты, какие-то события жизни, которые имели место. Мы стараемся вспомнить все моменты нашей жизни, когда мы соприкасались с Юрием Николаевичем; хочется сказать о нём, дать абрис его облика.

При встрече с ним всегда было такое ощущение, что общаешься с каким-то необыкновенным человеком, хотя он ни жестами, ни поведением, ни другим образом не старался проявить эти качества, которые вы уже чувствовали. Это — сдержанность, удивительное самообладание, владение всем своим существом. Вы чувствовали, что в присутствии этого человека вам становилось необыкновенно хорошо, и вы даже иногда не понимали причины этого (только потом нам стало кое-что понятно). То есть мы чувствовали и принимали как данность, что качества этого человека намного отличаются от того, к чему мы привыкли в нашей жизни, — это его манера обращения с собеседником, предупредительность. Он всегда мог угадать, что вам нужно, каким-то чутьём.

Если заходил разговор о чём-то интересном, Юрий Николаевич мог ненавязчиво в ходе общей беседы вставить своё замечание, дополнить что-то. И после того, как он это произносил, вы уже никого не слушали, а слушали только его, потому что он говорил очень проникновенно и очень интересно.

В ту пору мы ничего не знали об экспедиции по Средней Азии, и поначалу разговоры были только об этом. Вот, скажем, как он рассказывал о переходе в пустыне от дневного состояния к ночи, когда после захода солнца наступала, как он говорил, «фиолетовая тьма». Появлялись звёзды совершенно необыкновенной красоты и яркости, потому что воздух в пустыне сухой и атмосфера не размывала очертания звёзд. Потом появлялась луна, и уже в эту окраску вмешивалась голубоватость, голубоватое свечение. Мне на всю жизнь запала эта картина пустыни. Больше того,

Л.М. Богданова, Л.В. Дорошкевич, Ю.Н. Рерих, М.Ф. Дроздова-Черноволенко, С.Н. Рерих, И.М. Богданова, В.Т. Черноволенко. Москва, май 1960 г.

он говорил, что если хотя бы раз побывать в пустыне какое-то время, пустыня притягивает потом тебя всю жизнь. Время от времени вспоминается это состояние перехода цвета и ощущение удивительной тишины, какого-то вселенского молчания. И вы внутри как бы освобождаетесь сразу от всех житейских забот и попадаете в плен этого безмолвия. Это неповторимое ощущение. Его описание пустыни мне запомнилось навсегда.

После того как Юрий Николаевич увидел картины Виктора Тихоновича и прослушал некоторые его музыкальные импровизации, он убедил его в том, что это нужно людям. У Виктора Тихоновича был комплекс некоторой неполноценности, так как у него не было ни музыкального, ни художественного образования, и, не зная тайн живописи, музыкальных композиций, он всегда стеснялся, думая, что, может быть, делает не то. Но слова Юрия Николаевича о том, что это нужно и важно и со временем будет понято более широко, чем сейчас, — вдохновили Виктора Тихоновича на более смелый творческий путь. Он всё больше и больше развивался как художник. Этого он никогда не мог забыть — того благотворного влияния, которое оказал на него Юрий Николаевич.

Две свои графические работы Виктор Тихонович подарил Юрию Николаевичу. Одну я видела у них в доме.

Есть фотография, где Виктор Тихонович и Юрий Николаевич стоят у подъезда дома Юрия Николаевича на Ленинском проспекте в ожидании такси. Они здесь стоят рядышком.

О.В. РУМЯНЦЕВА, заведующая Мемориальным кабинетом Н.К. Рериха в Государственном музее Востока с 1979 по 2015 г.

V. Последняя весть

Одна из учениц Юрия Николаевича рассказала совершенно потрясающую деталь, которую я забыть не могу.

Собрались они на занятие в назначенное время. Какие-то занятия Юрий Николаевич вёл в утренние часы, до работы, а какие-то — после работы. Это было, видимо, в утренние часы, потому что они его ждали. Их было несколько человек. Это была весна, май. А его нет и нет, нет и нет. И они стали говорить между собой: «Ну вот, как он уже успел измениться. Как быстро принял правила нашей игры. Такой был аккуратный, чёткий во всех своих поступках, а тут опаздывает. На него это не похоже».

И вдруг в открытое окно влетел белый голубь. К одному сел на плечо, вокруг другого покружил, к третьему подлетел, ещё на одного сел, потом опять полетал вокруг... То есть он подлетел к каждому, кто сидел за столом, а потом вылетел в окно. А вечером они узнали, что Юрий Николаевич умер.

Эту историю я забыть не могу. Это самое сильное из всего того, что мне за всё время о Юрии Николаевиче было рассказано, что так запало в душу...

Татьяна Яковлевна Елизаренкова, тогда молоденькая его ученица, сказала, показывая на сердце: «Я не могу о нём говорить, у меня это здесь... Это непроизносимо. Это у меня здесь. Здесь», — и слёзы градом...

Татьяна ДЕМЕНКО

«ВО СЛАВУ РОДИНЫ»

Переписка Ю.Н. и С.Н. Рерихов: 1957 – 1960

Данная статья основана на переписке Ю.Н. и С.Н. Рерихов, охватывающей период жизни Юрия Николаевича после его возвращения на Родину — с августа 1957-го по апрель 1960 года¹. Переписка сохранилась не в полном объёме. Письма Ю.Н. Рериха, написанные сразу по приезде в Москву (с августа по ноябрь 1957 года), отсутствуют, это становится очевидно, поскольку С.Н. Рерих на них отвечает. Также не сохранились письма Ю.Н. Рериха к брату за 1959 год, в частности посвящённые организации и открытию большой выставки произведений Н.К. Рериха в Государственной Третьяковской галерее (ГТГ) и первой в Советском Союзе выставки С.Н. Рериха. Корреспонденция отправлялась разными путями: по почте и с оказией — через знакомых, которые ехали в СССР либо Индию и могли лично передать письмо или посылку. Чтобы восстановить более полную картину событий тех лет, мы воспользуемся также письмами Ю.Н. и С.Н. Рерихов к другим корреспондентам.

В июле 1957 года Ю.Н. Рерих и сёстры Людмила и Ираида Богдановы отплыли из Бомбея пароходом, который направлялся в морской порт г. Одессы. Этим же путём в грузовом контейнере была отправлена и часть наследия семьи Рерихов, принадлежавшая старшему сыну: более пятисот картин отца, научная библиотека, собрание тибетских танок и другие уникальные произведения искусства из восточной коллекции Рерихов. Последняя встреча братьев накануне отъезда Юрия Николаевича состоялась в начале июля в Бомбее. 5 июля С.Н. Рерих написал брату: «...вчера мы видели вас из "Taj Mahal'a", как вы шли мимо, и мы вам махали и мысленно посылали самые лучшие мысли. (...) Пошлём тебе телеграмму на пароход. И ты сообщи о своём продвижении. (...) Берегите себя. Передай привет всем на борту». На следующий день он снова пишет: «Получил твою радиограмму и радовался».

В августе 1957 года С.Н. Рерих находился в своём имении в Бангалоре, с нетерпением ожидая вестей с Родины и, конечно, известий о том, как дошли картины. Первая весть от Юрия Николаевича прилетела 21 августа — телеграмма, в которой говорилось о благополучном прибытии и сообщался временный московский адрес. Первые два месяца Ю.Н. Рерих

¹ Переписка, опубликованная Международным Центром Рерихов в книгах: Рерих Ю.Н. Письма: В 2 т. М., 2002; Рерих С.Н. Письма: В 2 т. М., 2004 – 2005, содержит 16 писем Ю.Н. Рериха к С.Н. Рериху, 11 писем С.Н. Рериха к Ю.Н. Рериху и 60 общих писем С.Н. Рериха к Ю.Н. Рериху, Л. и И. Богдановым.

С.Н. Рерих, Ю.Н. Рерих. Калимпонг, Индия, 1950-е гг.

жил в Москве в гостинице «Ленинградская» на Каланчёвке, прежде чем получил четырёхкомнатную квартиру в новом доме на Ленинском проспекте. Святослав Николаевич пишет в ответ на телеграмму брата: «Все о тебе спрашивают и шлют сердечные приветы. Пишите подробно о вашей жизни и работе» (21.08.1957 г.).

«Дорогой мой Юша и все домашние. Получил твоё письмо и тоже от Раечки, — пишет С.Н. Рерих уже в августе. — Очень радовался. Много посылок для тебя. (...) Пишите часто. Наша жизнь идёт обычным руслом, а вот у вас всё новое. Да, Новая Жизнь и новое замечательное Поприще. (...) Пишите все подробности, а также встречи. Очень интересно мне услышать

о художественной жизни. О разных течениях в художественной жизни, а может быть, ты встретишься с художниками» (28.08.1957 г.).

«Как картины Пасика [Н.К. Рериха]? (...) Вообще, хорошо было бы пояснить, что темпера как таковая — это краски, всегда употреблявшиеся в Индии. Масло пришло только недавно и климатически плохо переносит большие вариации температуры и влажности. Застеклённая темпера лучше всего.

Николай Константинович верил в живую силу краски-тона, и никто так не знал соотношения и гармонию тонов. Он умел передавать свет, как никто ещё до него. Это было основано на его глубоком знании световой гармонии. Его синтез и упрощение форм были результатом исключительного знания и понимания сущности им передаваемого. Часто я смотрю на Его картины, часто ими люблю и поражаюсь великой мощностью Его Творчества. Он внёс новое понимание, и Его Искусство — истинно Искусство будущего, ибо он создал новый Мир красок» (20.11.1957 г.).

Основной задачей сыновей Н.К. Рериха было вернуть Родине после десятилетий забвения имя своего отца, открыть для русского народа многогранный мир художника-гуманиста, патриота, философа, исследователя. Именно на осуществление этой общей для них цели и была направлена деятельность Ю.Н. Рериха в Советском Союзе.

Как видно из переписки, Юрий Николаевич не писал брату длинных, многостраничных писем, однако был ряд вопросов, которые он постоянно обсуждал с ним. Из всего спектра затрагиваемых тем ясно высвечиваются несколько наиболее важных:

- первая выставка картин Н.К. Рериха в Советском Союзе (1958);
- передача в дар советскому народу картин отца и шаги по созданию Музея Н.К. Рериха на Родине;
- первый фильм о Н.К. Рерихе (1958);
- жизнь и научная деятельность Ю.Н. Рериха на Родине;
- вторая выставка Н.К. Рериха в Москве (ГТГ, 1959);
- организация и создание С.Н. Рерихом Музея в Кулу;
- первая выставка С.Н. Рериха в Советском Союзе (1960).

Организация выставки Н.К. Рериха на Родине была для Ю.Н. Рериха неразрывно связана с дальнейшей передачей советскому народу привезённого из Индии наследия отца и созданием посвящённого ему музея.

Ещё перед отъездом из Индии Ю.Н. Рерих в письме к министру культуры СССР А.Н. Михайлову изложил свою идею создания в Советском Союзе Музея

Н.К. Рериха, а также фильма и монографии о нём. Он писал: «Из многочисленных бесед с представителями советской общественности я вынес впечатление, что у многих явилась мысль о желательности постоянного музея произведений моего отца — академика Н.К. Рериха. Со своей стороны я всегда готов пойти навстречу таким пожеланиям. Мне представляется, что такой музей мог бы иметь филиал в одном из городов Сибири, где ныне решением Партии и Правительства творится великое всенародное дело, которому мой покойный отец всегда глубоко сочувствовал»².

В письме от 5 декабря 1957 г. Юрий Николаевич сообщает: «Продолжаю двигать выставку. Намечалась она к концу декабря, но вещи берут время. (...) Беседовал с ним [секретарём Президиума Академии художеств] о предстоящей выставке. (...) Всё же надеюсь, что выставка не замедлит состояться» (5.12.1957 г.).

«Началась подготовка к выставке, которую, если всё успеют, думают открыть 15 марта. 24-го [февраля] был просмотр картин в Третьяковке. (...) Затребованы картины из Риги, Ленинграда и Горького. Всего собираются выставить около 300 картин, ограничены помещением» (28.02.1958 г.).

«На выставке очень важно выявить подлинный Лик Николая Константиновича как основоположника Пакта охраны Культурных ценностей... — пишет С.Н. Рерих. — Я считаю, на поприще Мира это является одним из крупнейших вкладов, как и Красный Крест. Как будет обстоять дело с рамами на выставке (для маленьких этюдов)? Сколько предлагается? Так хотелось бы это всё как можно лучше обставить, но я знаю, что ты всё сделаешь, что нужно» (4.03.1958 г.). «Очень было радостно слышать о выставке. На днях я просматривал Пакт и должен сказать, что это была действительно Гениальная Идея, ибо это тот основной подход к *Миру*, который даст наиболее положительные результаты. Надо Имя Пасика представить так, как оно есть в действительности, — одного из величайших деятелей на поприще культуры» (5.03.1958 г.).

Несмотря на немалые организационные трудности, переносы сроков и сопротивление чиновников, совершенно не понимавших творчества Н.К. Рериха, твёрдая позиция Юрия Николаевича и его неоднократные обращения за поддержкой лично к министру культуры сделали возможным выполнение намеченного. Кто может знать, чего стоила старшему сыну Рериха борьба с инерцией и нежеланием некоторых представителей советской культуры признать мировую значимость Н.К. Рериха...

² Цит. по: *Ревякин Д.* Первая выставка картин Н.К. Рериха в СССР (<http://www.lomonosov.org/aspects/fivefouraspects201666141.html>).

12 апреля 1958 года в Выставочном зале Союза художников (на Кузнецком мосту) состоялось торжественное открытие первой в Советском Союзе выставки полотен Н.К. Рериха. 226 работ мастера предстало перед восхищёнными зрителями. Благодаря неустанной деятельности Ю.Н. Рериха кроме привезённых из Индии полотен были выставлены работы из фондов Третьяковской галереи и Русского музея, Горьковского художественного музея и Государственного музея латышского и русского искусства, Музея им. А.А. Бахрушина и Музея МХАТ им. М. Горького, «из частных собраний С.А. Мухина, Ю.Б. Данцигера, Г.С. Торсуева, Л.И. Бродской, Б.В. Михайловского»³.

Открыл выставку заместитель министра культуры СССР В.И. Пахомов. Посол Цейлона в СССР, известный буддолог Г.П. Малаласекера, встречавшийся с Н.К. Рерихом ещё во время его экспедиции по Центральной Азии, произнёс замечательную речь о художнике, сравнив его с гениальными творцами эпохи Возрождения: «Иногда на земле появляются люди, которые не принадлежат определённой нации или народу, но — всему человечеству. Он одновременно был пророком и первопроходцем, который мечтал красотой объединить всё человечество в одно единое братство, ибо для него истина была Красотой, а Красота — истиной»⁴.

Об открытии выставки Святослав Николаевич узнал, находясь в доме родителей в Кулу: «Вчера послал Вам телеграмму из Манди, на пути в Дели. Был в Кулу, и в Кулу же пришла телеграмма от Девика об открытии выставки Пасика. (...) Прими от меня сердечное спасибо и передай от меня всем устроителям, как я ценю все заботы по устройству этой выставки. Ведь искусство Пасика — это Новое Искусство, Его особый подход и неопределимый вклад в сокровищницу культурных достижений не только Родины, но и всего Человечества. (...) Очень радостно сознавать, что картины Пасика опять собраны и несут своё замечательное провозвестие, Провозвестие Красоты и лучших достижений человеческого Гения» (18.04.1958 г.).

Юрий Николаевич продолжает делиться с братом происходящим в Москве: «Выставка продвигается. Грандиозный успех. Ежедневно

Н.С. Хрущёв, С.Н. Рерих, Девика Рани. Дели, Индия, 1960

тысяч пять посетителей. (...) Подготавливается монография — 30 цветных репродукций со статьёй, серия открыток. Статьи будут в журналах "Искусство и творчество", "Огонёк", "Октябрь". Была хорошая статья Грабаря, Кузьмина, говорят о Музее. Словом, страна откликнулась, как и можно было ожидать от великой державы нового типа, превыше всего ставящей культуру и мирный созидательный труд» (13.05.1958 г.).

Святослав Николаевич сообщает о том, что несколько индийских газет напечатали статьи о проходившей в Советском Союзе выставке. «Вы себе можете представить, как меня радует успех выставки. Ведь этот успех не только глубоко заслужен, но это зёрна и великого народа, понимающего жизненность Красоты и ценящего все её проявления» (24.05.1958 г.).

Итак, в 1958 году, через семь месяцев после приезда Ю.Н. Рериха на Родину, с небывалым успехом прошла выставка Н.К. Рериха в Москве. Юрий Николаевич сообщает

³ Чернявский В.Е. Формирование наследия семьи Рерихов в учреждениях культуры и науки СССР // Дельфис. 2016. № 3. С. 25.

⁴ Цит. по: Рерих Ю.Н. Письма. Т. 1. М., 2002. С. 22.

Ю.Н. Рерих в Третьяковской галерее. Москва, 1959

брату: «Выставка закрылась вчера, 24-го [мая]. Теперь картины пойдут в Ленинград, Ригу, Киев, Тбилиси, Горький (Нижний Новгород) и, вероятно, в Ташкент. (...) Когда 4 мая думали, что выставку закроют, толпа не выходила до 11 ч. вечера и не выпускала дирекцию. Книга отзывов — в 6 томах! (...) 22-го [апреля] шла телевизионная передача "Николай Рерих" — показывали картины и твой портрет. Говорили диктор и я. Страна замечательно откликнулась. Раз семь читал доклады в местных музеях — дважды в Третьяковке. Говорят о Музее» (26.05.1958 г.). Из письма С.Н. Рериха немецкому индологу и художественному критику Герману Гётцу: «Брат пишет, что выставка картин объедет все главные города страны, в данный момент она проходит в Риге, затем переедет в Ревель [Таллинн], а оттуда в Ленинград, затем постепенно двинется к югу. Статьи об искусстве отца появляются в нескольких ведущих журналах, и брат будет присылать мне все материалы по мере их появления» (14.06.1958 г.).

Юрий Николаевич продолжает сообщать новости о дальнейшем следовании выставки: «16-го выставка открылась в Риге. Август – сентябрь пойдёт в Ленинград. Собираюсь туда на открытие» (22.06.1958 г.). «Приехавшие оттуда говорили, что прекрасно повешена и производит потрясающее впечатление. К концу года готовили альбом-монографию с цветными воспроизведениями картин» (23.08.1958 г.). «29-го ездил в Ленинград на открытие в Русском музее. Отвели 7 залов. Выставка выглядит очень парадно, и народу много» (12.09.1958 г.).

В письмах Юрия Рериха всё чаще встречаются слова о музее: «Теперь ведутся беседы о создании постоянного музея...» (13.09.1958 г.). Святослав Рерих отзывается на это строками: «Очень хотелось бы видеть музей в Союзе, куда вошли бы все работы Пасика, посвящённые его деятельности как объединителя стран на культурном поприще, Работника и Борца за Мир» (29.09.1958 г.). «Нужно тоже думать о Музее Пасика. Хотелось бы, чтобы всё Его Главное Творчество было бы собрано на Родине. Для будущего изучения этого богатейшего вклада в сокровищницу национального и мирового Искусства» (30.10.1958 г.).

О событиях, происходящих на Родине, С.Н. Рерих сообщает Зинаиде Григорьевне Фосдик: «Как Вы, может быть, слышали, выставка Отца проходит в Москве с 12 апреля. Она имела огромный успех, тысячи людей приходили ежедневно и стояли на улице в длинных очередях, чтобы попасть на неё. Юрий пишет, что это было замечательное событие, которое показывали по телевидению. Юрий участвовал во многих радиопередачах, а теперь выставка поедет в Ленинград, Киев и другие крупные города. У Юрия всё в порядке, он страшно занят разнообразной деятельностью, а девочки помогают ему по дому» (не позднее июня 1959 г.).

В Ленинграде организаторы были вынуждены продлить сроки экспонирования картин, об этом сообщает Юрий Николаевич: «В настоящее время выставка в Ленинграде в Русском музее в прекрасном помещении продлена по желанию общественности до 25 октября. По первоначальному плану она должна была закрыться 2 октября, но было получено письмо от студентов, которые ездили на целину в Сибирь. Целинники просили не закрывать её до прибытия их эшелонов в город. Вообще молодёжь прекрасно отозвалась» (16.10.1958 г.). В этот момент Юрий Николаевич находится в отпуске и собирается в Киев на открытие выставки.

Теперь уже в каждом письме братья обсуждают и утверждают идею создания Музея. «Выставка в настоящее время направлена в Киев, где откроется числа 15-го. Затем, вероятно, Тбилиси и Вильнюс.

Ведутся разговоры о создании постоянного музея. Предлагают устроить музей при Русском музее в Ленинграде... В Москве помещений мало, разве что старые особняки, но это сложно. Затем думаю о филиале Музея в Сибири, на Алтае. Туда брошены большие силы, и, памятуя устремление Пасика к Алтаю, думаю, что это будет хорошо. Там только что закончили новую галерею. Ведь там будущее» (8.11.1958 г.). «Сегодня имел хорошую беседу с Н.А. Михайловым. Решено создать Музей в Ленинграде и филиал в Сибири, где идёт всенародная стройка и куда и меня привлекают к работе (по совместительству)»

(13.11.1958 г.). С.Н. Рерих отвечает: «Был очень рад узнать, что картины Пасика пойдут в особый Музей. Да и Алтай — это хорошо очень. Но надо досмотреть, чтобы всё висело хорошо, а не в складе лежало» (7.12.1958 г.). В последнем в 1958 году письме к брату Ю.Н. Рерих пишет: «18-го вернулся из Киева. Выставка открыта (9 залов) в Гос. Музее Русского Искусства. Как и в Москве и Ленинграде, очереди. Провёл три беседы. Большой интерес художественной общественности. (...) Встретил исключительно радушный приём. (...) Ведём организационные беседы по созданию мемориального музея в Ленинграде и филиала к Алтаю. (...) После Киева выставка пойдёт в Тбилиси» (20.12.1958 г.).

Тогда же, в 1958 году, по инициативе и при активном участии Юрия Николаевича в короткие сроки был подготовлен первый советский цветной документальный фильм о Рерихе — «Художник Николай Рерих» длительностью 17 минут (московская киностудия «Экран»). Фильм вышел на экраны в то время, когда в связи с прошедшими выставками в стране пробудился огромный интерес к Н.К. Рериху, и стал ещё одним шагом к широкому знакомству народных масс с творчеством художника — как его раннего, так и более позднего, индийского, периода.

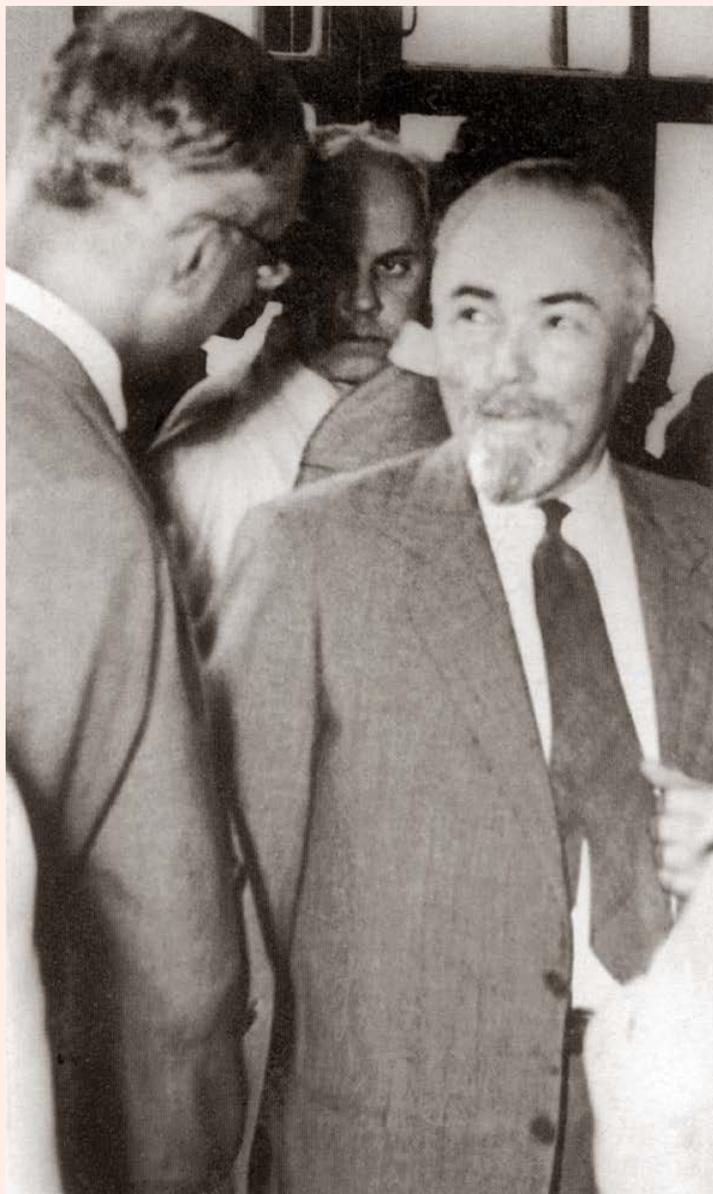
Коснёмся истории создания фильма. В мае 1958 года Святослав Николаевич получает письмо, в котором Юрий Николаевич обращается к нему с просьбой: «Сейчас пишу по очень спешному делу. Здесь готовят фильм "Николай Рерих". Будет

С.Н. Рерих, Ю.Н. Рерих. Москва, 1960

заснят в Русском музее в Ленинграде. Заснимут пейзажи "Извары". Покажут города, которые Пасик посетил в 1903 – 1904 гг., Академию Художеств, Общество Поощрения Художеств и т.д. Нельзя ли получить от Bhawnani копию его фильма, снятого в Наггаре? (...) Сделай это, пожалуйста, и телеграфируй мне ответ» (13.05.1958 г.).

Святослав Николаевич сразу же связывается с известным индийским кинорежиссёром и сценаристом Моханом Даярамом Бхавнани, и тот телеграфирует о согласии встретиться. В письме, адресованном М.Д. Бхавнани, С.Н. Рерих сообщает подробности важного дела, по которому назначена встреча: «Я был рад получить Вашу телеграмму и постараюсь дождаться Вашего приезда в Бомбей. Мой брат протелеграфировал, что ввиду беспрецедентного успеха и интереса к живописи Отца на выставке, которая проходит всё это время в Москве, государство выпускает фильм о жизни Отца. Они уже начали съёмки, и мой брат хотел, чтобы я связался с Вами насчёт снимков, которые у Вас есть, — снимков Отца, а также долины Кулу и других частей Гималаев, где работал Отец» (26.05.1958 г.). Индийский режиссёр с готовностью даёт согласие на пересылку ценной киноплёнки в СССР. Об этом мы узнаём из письма к нему С.Н. Рериха: «...плёнка, включающая снимки Отца и пейзажи Кулу, которая была смонтирована с Ваших катушек о долине Кулу, будет отослана моему брату и передана тем, кто делает фильм об Отце в Москве» (10.06.1958 г.).

Ю.Н. Рерих. Москва, 1959

Святослав Николаевич спешно сообщает брату в Москву: «Отослали вам фильму Бхавнани... На фильме Бхавнани есть штамп нашей здесь таможи для обратного ввоза. Т. к. это оригинал, то с ним надо осторожно обходиться» (16.06.1958 г.).

Осенью 1958 года С.Н. Рерих узнаёт о том, что работа над фильмом завершена: «Очень рад также, что фильм о Пасике уже готов», — пишет он брату (28.10.1958 г.). В этом фильме советские зрители впервые увидели уникальные кинокадры из документальной ленты М.Д. Бхавнани «Кулу — долина Богов», запечатлевшие Н.К. Рериха. Через 57 лет, в 2015 году, уцелевшая киноплёнка с этими кадрами из фильма известного индийского режиссёра была передана на хранение в Сибирское Рериховское Общество и сейчас экспонируется в Музее Н.К. Рериха на выставке, посвящённой Ю.Н. Рериху. В фильм «Художник Николай Рерих» вошли также кадры выставки полотен

Н.К. Рериха в Русском музее, которую 29 августа 1958 года открыл Ю.Н. Рерих, специально для этого приехавший из Москвы.

Деятельность Юрия Николаевича по организации выставки и созданию фильма, многочисленные интервью, встречи с людьми — всё это происходит параллельно с его многогранной научной, издательской и преподавательской деятельностью в Институте востоковедения и множеством других дел. Лаконичными фразами Юрий Николаевич описывает брату свою жизнь и работу: «Со всеми этими делами ты можешь себе представить, как я занят. И в моей работе занятий прибавилось. Избрали меня в Учёный Совет Института Китаеведения. Пришлось написать много статей. Но всё это хорошо, во славу Родины» (28.02.1958 г.). «Завтра вылетаю в командировку на 2 недели в Монголию, куда меня пригласил Комитет Наук» (19.07.1958 г.).

По просьбе брата Святослав Николаевич неоднократно высылает в Москву труды Юрия Николаевича, изданные в Индии, а также другую необходимую литературу по востоковедению, поскольку в Советском Союзе многие научные источники были недоступны. «В Институте с осени мне дают сектор "Буддийской философии и индийской культуры". (...) Жизнь входит в новые русла. Вчера на приёме в Индийском Посольстве видел Радж Кумари Амрит Каур. Вспоминали Вас обоих» (17.08.1958 г.). «Читал доклад в Географическом обществе. Начался учебный год, и работы много. Мне присвоили степень доктора филологических наук. В настоящее время организую сектор философии при институте» (16.10.1958 г.). «Дела мои развиваются. Вывешен приказ о назначении заведующим сектора философии и истории религий (Индии). (...) Кроме того, открывается сектор в Институте Китаеведения и приглашают "по совместительству" туда. Затем Ленинградский университет (периодически), Институт в Улан-Удэ... и Монголия. Как всё это совместится, ещё не знаю, но размах есть. В Ленинграде встреча была очень тёплая, а выступление в Географическом обществе окончилось ovation. При сём посылаю фотографию со старейшим академиком В.В. Струве и ректором Университета А.Д. Александровым. Страна растёт, и масштабы большие. Много интереса к Востоку, и интереса хорошего, "по существу". Для "Большой Советской Энциклопедии" написал статью о буддизме» (8.11.1958 г.).

20 декабря 1958 года Юрий Николаевич пишет брату: «Приближается конец года. Много отчётных собраний по Академии Наук. Три раза в неделю читаю лекции, кроме того, много организационной работы».

За немногими строками этих писем стоял колоссальный труд исследователя и учёного, которому с огромными усилиями удавалось осуществлять лишь небольшую часть своих научных планов. Юрий Николаевич опережал своё время не только как человек, но и как учёный, обладавший исключительными знаниями, в том числе и в области, недостижимой для большинства его коллег, черпавших информацию в сновном из книжных источников.

Абсолютно непонятным феноменом был для некоторых деятелей от науки этот необычный человек, обладавший широчайшими познаниями, сущность которого они не могли постигнуть, не находя ему места в советской действительности. Юрию Николаевичу приходилось пробиваться сквозь дебри этого непонимания и невежества, что отбирало очень много времени и требовало колоссального напряжения сил. Это непонимание и боязливое отношение распространялось не только на него самого, но и на всех членов семьи Рерихов. Ведь совсем ещё недалеко было то время, когда по «рериховскому делу» люди десятки лет отсиживали в лагерях. Поэтому и вопрос с Музеем Н.К. Рериха продвигался совсем не так, как мечтали сыновья Николая Константиновича.

Из письма Ю.Н. Рериха Р.Я. Рудзитису от 16 марта 1959 года: «Выставка закрылась в Тбилиси, где прошла с большим успехом. Теперь картины пойдут в Москву, где предстоит сортировка вещей на Ленинград и Сибирь. Возможно, что несколько вещей останутся в Третьяковке (конечно, при условии экспозиции). Последнее решение Министерства: автономная экспозиция при Русском музее и Музей в Новосибирске». Надежды Ю.Н. и С.Н. Рерихов на создание на Родине постоянно действующего Музея Н.К. Рериха в 1960 году не были осуществлены. Признание и принятие творчества художника и его философского наследия отодвинулось на десятилетия.

В настоящее время в Русском музее хранится свыше 400 работ Н.К. Рериха (361 из них передана в дар в 1958 году), многие из которых большую часть времени пробыли в запасниках, хотя в первые годы после дарения картины Н.К. Рериха экспонировались в отдельном зале. В Новосибирском художественном музее все 60 полотен мастера, переданные в дар Сибири Юрием Николаевичем, с 1960 года размещены в отдельных залах и находятся в постоянной экспозиции.

Из Государственного музея искусств Грузинской ССР картины вернулись в Москву, и в июле 1959 года в Третьяковской галерее открылась вторая в столице выставка, на которой было представлено 250 произведений мастера. Кроме картин из Третьяковской галереи и привезённых Ю.Н. Рерихом в выставку также

участвовали своими коллекциями Государственная оружейная палата, Музей им. А.А. Бахрушина, Киевский музей русского искусства и несколько частных собраний.

Святослав Николаевич так отзывается на это событие: «Сегодня выставка Пасика, и мы вам всем шлём наши лучшие мысли. Послали телеграмму. Надеюсь, дошла» (20.07.1959 г.). В письме г-же Мукерджи, редактору журнала «Rhythm» в Калькутте, он пишет: «...в Москве в Государственной Третьяковской галерее сейчас проходит большая и всесторонняя выставка картин отца, и она продлится ещё 3 месяца. Она занимает 4 зала музея. На выставке представлено много картин, посвящённых Гималаям, и, как заметил индийский посол К.П.Ш. Менон в своей речи на её открытии, "никто ещё не изображал величие и истинное значение Гималаев так, как Николай Рерих"» (23.07.1959 г.).

Отвечая на неизвестное нам письмо Ю.Н. Рериха с описанием этого события, С.Н. Рерих пишет: «Очень были рады получить ваши первые весточки после открытия выставки. Это очень всё хорошо — будем ждать каталоги» (16.08.1959 г.). Каталог к выставке был выпущен, кроме того, в Государственном издательстве изобразительного искусства к этому времени вышел альбом «Николай Константинович Рерих» — первое советское издание, посвящённое творчеству художника.

В переписке братьев обсуждается вопрос о создании Музея Н.К. Рериха в Кулу. В декабре 1957 года Юрий Николаевич пишет: «Хорошо, что думаете о культурном центре имени нашего Пасика, где обе страны могли бы работать на общей ниве Культуры. Следовало бы и наш Наггар привести в жизнь» (5.12.1957 г.). Святослав Николаевич: «Думаю всё, как бы лучше осуществить Музей в Кулу. Всё же это место, которое так тесно связано с работой Николая Константиновича в Индии и имеет исключительные преимущества, климатические, географические и исторические. Не говоря уже об исключительной живописности места. Это мог бы быть исключительный центр, так, как это и думал Николай Константинович и Масик [Е.И. Рерих]» (14.08.1958 г.). Юрий Николаевич отзывается строками: «Как хорошо, что Дом-музей в Кулу состоится» (16.10.1958 г.).

Летом 1959 года Святослав Николаевич начинает предпринимать конкретные шаги по созданию музея и сообщает об этом брату: «Вернулись из Кулу, где мы пробыли 16 дней. (...) Конечно, было много работы, главным образом, решить Музей. Сейчас решили отделать три комнаты внизу, т.е. где Пасик работал — рядом office и твоя рабочая комната.

Ю.Н. Рерих на открытии выставки в Третьяковской галерее. Москва, 1959

Т.е. три комнаты в ряд. Но это будет временно — я хочу выстроить небольшое здание на площадке, где стоит Камень Н.К. (...) Это будет гораздо лучше, ибо упростит многое. Небольшой домик рядом, где жили служащие, думаю переделать в дом хранителя. Будет это рядом и удобно. (...) Проводим электричество в дом» (2.06.1959 г.). «В Кулу мы откроем 3 комнаты весной, будет для начала 25 картин Пасика. Но всё это быстро разовьётся, и, думаю, уже в будущем году многое будет сделано» (23.12.1959 г.).

Из писем Святослава Николаевича видно, что в эти годы он очень много работает, пишет портреты, пейзажи, серии картин. В январе 1957 года он сообщает брату: «Картины накапливаются, но где и когда выставки — не известно. Но главная работа, а всё другое не важно» (9.01.1957 г.). «...Хочется создать что-то особенное. Новое. Может быть, к будущему году и удастся» (16.12.1957 г.).

Летом 1958 года С.Н. Рерих начинает думать о выставке в Индии: «Я здесь очень занят по делам в связи с именем и мечтаю приняться за картины. Предполагаю целую серию. Вообще, работы столько, что прямо нет ни минуты свободной. (...) Картины свои из Америки частично я верну сюда для выставок» (16.06.1958 г.).

Осенью 1958 года в переписке впервые заходит речь о показе картин С.Н. Рериха в СССР: «Тут хотели бы иметь твою выставку. Успех будет большой!» — пишет Юрий Николаевич (12.09.1958 г.). Через два месяца он повторяет: «Здесь очень хотели бы твою выставку. Она, конечно, была бы встречена превосходно, ибо искусство очень ценят. Напиши свои соображения об оформлении поездки» (8.11.1958 г.). На это письмо Святослав Николаевич отвечает: «Подготавливаю новые картины. Большие. Думаю, будут интересными. Хотел спросить, если подготавливать выставку в Союзе, то сколько картин надо иметь в виду» (21.11.1958 г.). Через месяц Юрий Николаевич сообщает: «Твою выставку ожидают. Я говорил с Н.А. Михайловым. Он мне сказал, что все будут приветствовать возможность увидеть твои произведения» (20.12.1958 г.). Таким образом, в конце 1958 года уже был решён вопрос о будущей выставке С.Н. Рериха в Советском Союзе.

В апреле 1959 года начинается более детальное обсуждение: «Сейчас мы подготавливаем выставку в Дели в январе 1960 года, — пишет брату из Индии Святослав Рерих, — а затем думали её перебросить в Союз. С тем чтобы она дошла к апрелю и выставку можно было бы держать апрель – май. Я говорил здесь

с Ефимовым на месте Байкова⁵, он сказал, что напишет в Союз о выставке немедленно. Надо будет ещё тебе обсудить с Михайловым, где выставку держать» (23.04.1959 г.). «Я думаю в Союз везти мои портреты, жанровые картины, ландшафты, а также все типы и из местной жизни. Даже и так будет порядочно картин. Но я очень хотел бы знать Ваши соображения о количестве» (29.04.1959 г.).

Вскоре С.Н. Рерих начинает активную подготовку к персональной выставке в Дели, которая предшествовала отправке его картин в Советский Союз. «Готовимся здесь к Делийской выставке. Много надо приготовить рам и поправить картин, пришедших из Америки. (...) Мы закроем выставку в Дели 20 февраля и немедленно запакуем их и отправим. Но быстро сказка сказывается и т.д. Во всяком случае, всё надо обсудить и выяснить до отправки» (16.08.1959 г.). «Приехали в Дели, но в день приезда порвал себе мускул на ноге и слёг в постель, надеюсь, через несколько дней можно будет двигаться. Все приготовления к выставке продвигаются вполне благополучно. 20-го [января] открытие... (...) Открывать будет Радхакришнан. На следующий день будет президент. Картины прибыли в полном порядке, и теперь будем всё устраивать, только задержка во мне» (19.12.1959 г.).

20 января 1959 года персональная выставка С.Н. Рериха в Дели была торжественно открыта. Её посетила советская делегация во главе с Н.С. Хрущёвым. То, что С.Н. Рерих был лично знаком с Хрущёвым и другими членами делегации, стало решающим для проведения его выставки в СССР в 1960 году. В дневнике Рихарда Рудзитиса имеется запись от 10 марта 1960 года о том, что ящики с картинами были привезены 4 марта 1960 года на самолёте Никиты Сергеевича: «Первый раз Хрущёв привёз из Индии Йогу. Второй подарок — привёз картины Святослава вместе со своим багажом. Это многое значит»⁶.

Святослав Николаевич пишет брату, что на выставке в Дели ему было очень радостно приветствовать советскую делегацию, посылает фотографии. «Открытие выставки прошло прекрасно, — продолжает он, — и Пандитджи⁷ сказал прекрасную речь. (...) За несколько дней побывало больше 10000 [человек], что совершенно неслыханно в Дели и может только сравниться с выставкой Советского Искусства. Сегодня выставка закрыта, ибо боялись не совладать

с толпами. (...) Вашу телеграмму получили к открытию, большое спасибо» (26.01.1960 г.). По окончании выставки он сообщает, что она «побила все рекорды, и посещаемость превысила 100000 за месяц. Ничего подобного здесь не случилось. (...) Было отрандно видеть, как все тянулись к нашим картинам и как замечательно реагировал народ» (13.03.1960 г.).

Перед отъездом С.Н. Рериха в Советский Союз Юрий Николаевич получает от него письмо: «Наши планы следующие: 1. Прилетаем 28-го [апреля]... 2. Будем гостями Министерства культуры. 3. Выставка будет месяц в Москве и три недели в Ленинграде. (...) Итак, надеюсь, через три недели встретимся. Это будет для меня большим счастьем» (6.04.1960 г.).

13 апреля Святослав Николаевич получает последнее письмо от Юрия Николаевича перед их встречей в Советском Союзе: «Родной мой Светик, получил твой пакет от 28 марта с копиями статей о выставке и фотографиями. Всё это уже пущено в дело. (...) Ждём Вас. Телеграфируйте час прибытия. Крепко обнимаем. Твой Ю. Р.» (13.04.1960 г.).

28 апреля Юрий и Святослав Рерихи встретились на родной земле. С.Н. Рерих находился в СССР до 13 июля 1960 года.

С 11 мая по 3 июня 1960 года в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина с грандиозным успехом прошла первая на Родине выставка картин С.Н. Рериха, которая дала возможность нашей стране продолжить знакомство с совершенно новым, таким прекрасным, огромным и непостижимым миром Рерихов. Мир этот на краткий миг истории — менее месяца — предстал на Родине в объединённых сердцах сыновей Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов.

21 мая 1960 года старший сын Рерихов покинул земной план бытия.

Уже после его ухода из жизни, с 12 июня по 2 июля, выставка полотен С.Н. Рериха экспонировалась в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже.

Последние годы жизни Юрия Николаевича Рериха, проведённые на Родине, положили начало пробуждению стремления к познанию путей духа и всеобщего блага в сердцах многих людей. Всё самое лучшее, созидательное и эволюционное всегда в великом труде и одиночестве прокладывает свой путь сквозь толщу грубой материи, но эти труды непременно дают прекрасный посев в будущем.

«...Посев семян добра не сохнет, и во дни суждённые зёрна процветут»⁸.

⁵ И.П. Байков — советник по вопросам культуры в советском посольстве в Индии в 1955 — 1959 гг.

⁶ Цит. по: Тарасенко Е. Искусство Николая и Святослава Рерихов: путь на Родину // Скрижали мысли. 2015 — 2016. Екатеринбург, 2016. С. 75.

⁷ Джавахарлал Неру.

⁸ Братство. 190.

МУЗЕЙ Б.Н. АБРАМОВА ОТКРЫТ!

Разрезание ленточки перед открытием мемориальной доски

Е.Г. Коняева проводит экскурсию начальнику отдела по культуре администрации Венёвского района Л.Е. Гусинской

Первые посетители музея. В центре — Н.В. Бургасова

В этот юбилейный для Б.Н. Абрамова год состоялось несколько значимых событий: 30 июля в новосибирском Музее Н.К. Рериха прошло Торжественное собрание, посвящённое Б.Н. Абрамову; в городе Венёве Тульской области состоялись XXI Абрамовские чтения.

В этот же день в Венёве был торжественно открыт Музей Б.Н. Абрамова, а также новая мемориальная доска, выполненная скульптором А. Леоновым. Музей Б.Н. Абрамова стал пятым культурным объектом в Музейном комплексе СибРО имени Н.К. Рериха, наряду с двумя Музеями Н.К. Рериха — в Новосибирске и с. Верх-Уймон Республики Алтай — и двумя мемориальными квартирами-музеями Н.Д. Спириной в новосибирском Академгородке.

Музей Б.Н. Абрамова был создан в очень короткие сроки — за полгода. В феврале Сибирским Рериховским Обществом была приобретена однокомнатная квартира в доме по ул. Советской, 15 — именно на этом месте ранее стоял дом, в котором прошли последние годы жизни Бориса Николаевича Абрамова (с 1965 по 1972 год). Приобретение квартиры стало возможным благодаря бескорыстной помощи нашего единомышленника В.В. Пястолова.

Работа музея и планирование его дальнейшей деятельности будут осуществляться на равноправных началах двумя организациями — Сибирским Рериховским Обществом и Тульским Рериховским исследовательским центром.

Очень большой вклад в создание музея уже внесли рериховцы Москвы, Тулы, Твери, Зеленограда, Ярославля, которые осуществили все ремонтные работы (под руководством В.В. Макарова, ТулРИЦ).

Одновременно с выполнением ремонтных работ готовилось музейное оборудование и продумывалась экспозиция.

В Музее Б.Н. Абрамова представлено его философское наследие, основной труд его жизни — книги «Грани Агни Йоги». Экспозиция раскрывает и другие грани творчества Бориса Николаевича Абрамова — художественного, поэтического, музыкального. В музее также представлены подарки семьи Рерихов, вещи Б.Н. Абрамова и его ученицы Н.Д. Спириной, фотографии, архивные документы.

Сибирское Рериховское Общество выражает благодарность Министерству культуры РФ, Министерству культуры Тульской области, Администрации Венёвского района, Национальному Рериховскому комитету, Центру «Мир Востока» при Институте востоковедения РАН за поддержку идеи создания общественного Музея Б.Н. Абрамова в Венёве.

Сердечно благодарим всех, кто принял участие в создании Музея Бориса Николаевича Абрамова!

Содержание

<i>Н.Д. СПИРИНА.</i> О Юрии Николаевиче Рерихе	2
<i>Н.Д. СПИРИНА.</i> Светлый дар	2
<i>А.Н. ЗЕЛИНСКИЙ.</i> «Настоящий аристократ духа»	4
<i>М.И. ВОРОБЬЁВА-ДЕСЯТОВСКАЯ.</i> «Он был человеком совершенно другого мира»	9
<i>В.С. ДЫЛЫКОВА.</i> «Он шагнул в третье тысячелетие»	13
<i>М.Ф. ДРОЗДОВА-ЧЕРНОВОЛЕНКО.</i> Встреча с необыкновенным человеком	18
<i>О.В. РУМЯНЦЕВА.</i> Последняя весть	20
<i>Т. ДЕМЕНКО.</i> «Во славу Родины».	
Переписка Ю.Н. и С.Н. Рерихов: 1957 – 1960	20
Музей Б.Н. Абрамова открыт!	30

По вопросам оказания помощи
Музею Н.К. Рериха в Новосибирске
обращаться в Сибирское
Рериховское Общество:
Адрес: 630099, Новосибирск, а/я 251
Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55
тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru

Средства просим перечислять
на расчётный счёт:

Получатель: ИНН 5407119062
КПП 540601001 Сибирское Рерихов-
ское Общество,
Р/сч 40703810144070130495
Банк получателя: Сибирский банк
ПАО Сбербанк, г. Новосибирск,
БИК 045004641
Кор/сч 30101810500000000641;
с пометкой: «Благотворительное
пожертвование на осуществление
уставной деятельности»

Правовую поддержку СибРО
оказывает
ЗАО «Сибирское правовое агентство»
г. Новосибирск, тел. 221-91-62

Учредитель:
© Сибирское Рериховское Общество

Основатель журнала «Восход»
Наталья Дмитриевна Спирина

Издание основано в 1993 г.
Зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свид-во ПИ № ФС77-57730 от 18.04.2014 г.

«Восход. Рассазия», № 8 (280), 2017
Подписано к печати 21.08.2017 г.
Дата выхода в свет 25.08.2017 г.
Тираж 800 экз. Цена свободная

Периодичность: 1 раз в месяц

Редационный совет: Н.Ф. Василькова,
Н.В. Грипич, Т.М. Деменко, С.А. Деменко,
С.А. Ковалёва, Н.М. Кочергина, О.А. Ольховая,
И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова
Главный редактор Н.М. Кочергина
Редактор В.В. Игнатьева
Цветокорректор С.А. Ковалёва

При перепечатке любых материалов
обязательно предварительное
согласование с редакцией

Адрес редакции и издателя:
630007, г. Новосибирск,
ул. Коммунистическая, 38
Издательский центр «Россазия»
Сибирского Рериховского Общества
Телефон: (383) 223-27-55
e-mail: sibro@mail.ru
Сайт журнала: <http://rossasia.sibro.ru/voshod/>

Подписка на журнал в книжном
отделе СибРО «Искры Света»
Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126,
ООО «Искры Света», отдел «Книга-почтой»
По заявке высылается бесплатный каталог
Тел./факс: (383) 218-09-50; knigisibro@gmail.com
Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии ИД «ВОЯЖ»
г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

0+

Как и Гесэр, Юрий Николаевич был по складу своего характера воин. Внешний вид кабинетного учёного был лишь доспехом этого воина.

П.Ф. Беликов

Н.К. Рерих. МОНГОЛЬСКИЕ ВСАДНИКИ. 1940 – 1941